

ЛУЧШЕЕ ИЗ ЛУЧШЕГО

ДЖЕЙМС РЮЛЛИНС

ДЬЯВОЛЬСКАЯ
КОЛОНИЯ

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Дьявольская колония

«ЭКСМО»

2010

Роллинс Д.

Дьявольская колония / Д. Роллинс — «Эксмо», 2010 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-699-56948-9

Проникнув в погребальное святилище, спрятанное в пещере в глуши Скалистых гор, двое молодых людей нарушают древнее заклятие, и это приводит к началу цепи катастрофических событий, угрожающих самому существованию человечества. В этой пещере, рядом с останками странных белокожих индейцев, хранится множество золотых пластин с надписями на неизвестном языке, а также священный тотем этого народа – череп саблезубого тигра. Внутри он заполнен непонятным веществом, которое, оказавшись на свободе, мгновенно начинает поглощать окружающую материю, превращая ее в прах, причем этот процесс невозможно остановить. К решению этой проблемы, смертельно опасной для всего живого на Земле, подключается спецотряд «Сигма»...

ISBN 978-5-699-56948-9

© Роллинс Д., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Замечания исторического характера	6
Замечания научного характера	7
Часть первая	13
1	14
2	20
3	33
4	40
5	45
6	51
7	56
8	60
9	63
10	72
11	76
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джеймс Роллинс

Дьявольская колония

*Посвящается отцу, потому что пришло время
(к тому же ты слишком часто остаешься невоспетым)*

*Наука – моя страсть, политика, мой долг.
Томас Джефферсон в письме Гарри Иннсу, 1791 год*

Замечания исторического характера

Любому американскому школьнику известно имя Томаса Джефферсона, творца Декларации независимости, собственноручно написавшего ее текст, человека, который помог создать единое государство из россыпи колоний в Новом Свете. За прошедшие два столетия об этом человеке были написаны тома, однако из всех отцов-основателей Америки он единственный и по сей день остается окутан тайной и противоречиями.

Например, лишь в 2007 году было наконец вскрыто и дешифровано одно закодированное письмо, погребенное в его бумагах. Это письмо было отправлено Джефферсону в 1801 году его коллегой по Американскому философскому обществу – «мозговому центру» колониальной эпохи, оплоту науки. Особенно этих людей интересовали две темы: создание шифров, не поддающихся вскрытию, и расследование тайн, окружающих индейские племена, коренное население Нового Света.

Джефферсон был зачарован культурой и историей индейцев. В своем доме в Монтиселло он собрал коллекцию артефактов индейской культуры, по отзывам превосходившую то, что имелось в тогдашних музеях (эта коллекция таинственным образом исчезла после его смерти). Многие из этих реликвий были присланы ему Льюисом и Кларком в ходе их знаменитой экспедиции через всю Америку. Однако мало кто знает, что именно Джефферсон в 1803 году направил в Конгресс секретное письмо относительно экспедиции Льюиса и Кларка, в котором открывал истинную причину их путешествия через весь Запад.

На страницах данной книги вы узнаете, какова была эта причина. Ибо существует секретная история основания Америки, о которой известно только избранным. Она не имеет никакого отношения к масонам, рыцарям-тамплиерам и прочим бредовым теориям. На самом деле ключ к разгадке висит у всех на виду в ротонде вашингтонского Капитолия. В этом торжественном зале вывешено знаменитое полотно Джона Тернбулла «Декларация независимости» (за работой художника наблюдал Джефферсон). На картине изображены все те, кто поставил свою подпись под этим великим документом, – однако лишь единицы обращают внимание на то, что Тернбулл на своем полотне запечатлел еще пятерых, тех, кто никогда не подписывал Декларацию независимости. Почему? И кто эти люди?

Для того чтобы получить ответы, читайте дальше.

Замечания научного характера

В наступившем тысячелетии следующий грандиозный скачок в научных исследованиях и промышленности можно описать одним-единственным словом: нанотехнологии. В двух словах это означает обработку на уровне отдельных атомов, на уровне одной миллиардной доли метра. Чтобы представить себе нечто столь маленькое, посмотрите на точку в конце этого предложения. Ученым из Nanotech.org удалось создать такие крохотные тестовые стержни, что в пределах одной этой точки их поместится триста миллиардов.

И промышленное использование нанотехнологий развивается взрывными темпами. По некоторым оценкам, в этом году в Соединенных Штатах будет продано различной продукции, изготовленной с применением нанотехнологий, на общую сумму свыше семидесяти миллиардов долларов. Нанотовары можно найти повсюду: зубная паста, солнцезащитные кремы, начинка тортов, брекеты для исправления прикуса, легкоатлетические носки, косметика, медицина, даже бобслейные снаряды. В настоящее время уже почти десять тысяч видов продукции производится с использованием нанотехнологий.

Какова обратная сторона этой стремительно растущей отрасли? Наночастицы способны вызывать заболевание и даже смерть. Ученые Калифорнийского университета обнаружили, что наноксид титана (который можно найти в детском солнцезащитном креме и других продуктах) может провоцировать у животных заболевание на генетическом уровне. Было установлено, что наностержни углерода (встречающиеся в тысячах продуктов повседневного использования, в том числе в детских защитных шлемах) накапливаются в легких и мозговом веществе крыс. Кроме того, на таком микроскопическом уровне происходят разные странные и неожиданные вещи. Взять хотя бы алюминиевую фольгу. Совершенно безобидная, она прекрасно подходит в качестве обертки для пищевых продуктов, однако, если измельчить ее на наночастицы, она становится взрывоопасной.

Это новое и неизведанное пространство. В настоящее время от изготовителя не требуют сообщать об использовании нанотехнологий, нет также обязательного исследования возможных неблагоприятных воздействий наночастиц. Однако в этой отрасли есть еще более зловещая сторона. История нанотехнологий уходит в прошлое, глубже чем в двадцатый век, гораздо глубже. Чтобы узнать, где все началось, и выявить черные корни этой «новой» науки...

...читайте дальше.

Осень 1779 года

Территория Кентукки

Медленно показался череп чудовища.

Из черной земли торчал обломок пожелтевшего бивня.

Два перепачканных грязью человека стояли на коленях по обе стороны от раскопанной ямы. Одним из них был отец Билли Престона, другим – его дядя. Билли стоял над ними, возбужденно кусая костяшки пальцев. Двенадцати летний мальчишка упросил, чтобы его взяли в эту экспедицию. Раньше его всегда оставляли дома в Филадельфии вместе с матерью и малышкой-сестрой Нелл.

Стоя над ямой, Билли ощущал прилив гордости.

Однако сейчас к этому примешивались уколы страха.

Быть может, все дело было в том, что клонящееся к горизонту солнце оплело лагерь спутанными тенями, похожими на сеть. А может, причиной тому были кости, на раскопку которых ушла целая неделя.

Вокруг собрались остальные: чернокожие рабы, таскавшие камни и землю, одетые с иголочки профессора с пальцами, перепачканными чернилами, и, разумеется, загадочный французский ученый Аршар Фортестью, глава этой экспедиции в глушь Кентукки.

Этот француз – высокий, костлявый, с угольно-черными волосами и глубоко посаженными глазами – вселял в Билли ужас. Неизменно одетый в костюм-тройку, он напоминал мальчику гробовщика. Билли слышал пересказываемые шепотом слухи об этом тощем типе: как он вскрывал трупы и проводил с ними эксперименты, как путешествовал в самые отдаленные уголки земного шара, собирая загадочные артефакты. Поговаривали даже, что однажды Фортестью принимал участие в мумификации умершего собрата-ученого, который завещал свое тело науке, рискуя бессмертной душой ради такого жуткого предприятия.

Однако француз пришел с рекомендательными письмами. Бенджамин Франклин лично пригласил его в новое научное общество, Американское общество распространения полезных знаний. Судя по всему, в прошлом Фортестью произвел на Франклина впечатление, хотя конкретные подробности оставались неизвестными. Вдобавок к французу прислушивался новый губернатор Виргинии – человек, который и направил экспедицию к этому загадочному месту.

Вот почему они по-прежнему оставались здесь, и уже долго.

Неделю за неделей Билли наблюдал, как окружающая листва медленно меняет оттенки бронзы на пламенеющий багрянец. Последние несколько дней по утрам бывали заморозки. Ночами пронизывающий ветер раздевал деревья, оставляя голые ветви, протянутые к небу. Каждый день начинался для Билли с того, что он подметал, а затем выгребал граблями из раскопанной ямы горы опавшей листвы. У этой битвы не было конца, словно лес пытался заново похоронить то, что лежало открытое под небом.

Даже сейчас Билли держал в руке метлу, наблюдая, как его отец в перепачканных грязью брюках и в рубашке с закатанными рукавами счищает остатки земли с погребенного сокровища.

– Теперь очень осторожно... – предупредил говоривший с сильным акцентом Фортестью.

Откинув назад фалды сюртука, он склонился ближе, уперев кулак в бедро, а другой рукой опираясь на резную деревянную трость.

Билли внутренне ошетинился, чувствуя в поведении француза снисходительность. Его отец знал все леса от побережья Виргинии и до самых отдаленных уголков Кентукки лучше, чем кто бы то ни было. Еще до войны он охотился и торговал с индейцами в этих местах. Однажды он даже встречался с самим Дэниелом Буном¹.

Однако сейчас Билли видел, как тряслись руки у его отца, когда он щеткой и лопаткой высвобождает сокровище из плодородной лесной почвы.

– Вот оно! – возбужденно воскликнул дядя Билли. – Мы его нашли!

Фортестью заглянул через плечи стоявших на коленях мужчин.

– *Naturellement*². Разумеется, оно должно было быть зарыто здесь. В голове змеи.

Билли не знал, что именно искала экспедиция, – только его отец и дядя читали запечатанные письма, которые присылал французскому губернатору, – но он понял, что Фортестью подразумевает под «змеей».

Обернувшись назад, Билли окинул взглядом место раскопок. Экспедиция разрыла земляной курган, извивающийся и петляющий по лесу. Курган высотой в два ярда и шириной вдвое больше протянулся на добрых две тысячи футов по заросшим деревьями пологим холмам. Казалось, здесь умерла гигантская змея, которую погребли там, где она застыла.

¹ Бун Дэниел (1734–1820) – активный участник освоения Дикого Запада, в 1775 году привел на территорию будущего штата Кентукки первую группу поселенцев.

² Естественно (*фр.*).

Билли был наслышан о таких курганах. Дикие леса Америки были покрыты подобными насыпями, а также великим множеством рукотворных холмов. Отец Билли утверждал, что это дело рук давно сгинувших предков нынешних дикарей, населяющих здешние места, что курганы считаются у индейцев священным местом. Говорили, что сами дикари ничего не помнят о древних строителях курганов, оставшихся лишь в преданиях и легендах. Ходили многочисленные рассказы об ушедших цивилизациях, о древних царствах, о призраках, о страшных проклятиях – и, разумеется, о спрятанных сокровищах.

Приблизившись к яме, Билли увидел, как его отец извлек из земли какой-то предмет, завернутый в толстую шкуру, на которой еще сохранилась черная грубая щетина. В воздухе распространился мускусный запах, терпкая смесь перегноя и звериной вони, заглушившая даже аромат оленины, жарившейся на костре.

– Шкура бизона, – определил отец Билли, оглядываясь на Фортескью.

Француз кивнул, приглашая его продолжать.

Обеими руками отец Билли осторожно отогнул край шкуры, открывая то, что несколько столетий пролежало под землей, скрытое от людских глаз.

Билли затаил дыхание.

С тех пор как на этих землях появились первые белые поселенцы, многие индейские погребальные курганы были разрыты и разграблены. Однако в них находили только кости умерших, а также наконечники стрел, обтянутые шкурами щиты и осколки глиняной посуды.

Так почему же именно это место было таким важным?

После двух месяцев тщательного изучения местности, составления карт и раскопок Билли так и не понял, почему их направили сюда. Подобно расхитителям других захоронений, отряд его отца в качестве результата долгой кропотливой работы мог показать обычное собрание артефактов, изготовленных индейцами: луки, колчаны со стрелами, копья, массивный котел, пару расшитых бусами мокасин, затейливый головной убор. И разумеется, они находили кости. Тысячи и тысячи костей. Черепа, ребра, бедренные, тазовые кости. Билли случайно услышал оценку, сделанную Фортескью: здесь были погребены по меньшей мере сто мужчин, женщин и детей.

Это было очень изнурительное занятие – составлять подробную опись всех находок. Работы затянулись до глубокой осени; пришлось пройти от одного конца извивающегося погребального кургана до другого, мучительно медленно снимая слой за слоем землю и камни, – и вот наконец, как и сказал француз, они добрались до змеиной головы.

Отец Билли развернул шкуру бизона. У тех, кто обступил его, вырвался восторженный вздох. Даже Фортескью шумно втянул носом воздух.

На внутренней стороне хорошо сохранившейся шкуры было нарисовано жаркое сражение. Стилизованные фигурки всадников скакали по всему изображению, многие со щитами. Вонзались копья, разбрызгивая алую краску. Летели стрелы. Билли готов был поклясться, что слышит вопли и боевые крики дикарей.

Опустившись на колени, Фортескью заговорил, протягивая руку к шкуре:

– Мне уже приходилось видеть подобную работу. Индейцы красят бизонью шкуру отваром из его же собственных мозгов, после чего наносят краску полыми косточками животного. Но, mon Dieu³, такого шедевра я еще не встречал. Присмотритесь: все лошади отличаются друг от друга, облачение каждого воина прорисовано с мельчайшими деталями.

Француз положил руку на то, что скрывала шкура все эти годы.

– Ия никогда не видел ничего подобного.

Череп чудовища лежал на земле. До этого уже были извлечены из почвы сломанные бивни огромного зверя, торчащие из обернутой шкурой головы. Теперь, при свете дня, было

³ Мой бог (фр.).

видно, что череп размером не уступает церковному колоколу. И так же как бизонья шкура, кости черепной коробки послужили полотном доисторическому художнику, покрывшему их изображениями.

Вырезанные в кости фигуры и узоры были разрисованы столь яркой краской, что казались мокрыми.

Заговорил дядя Билли, преисполненный благоговейным восхищением:

– Это череп мамонта, да? Такой же был обнаружен у Большого Соленого озера.

– Нет, это не мамонт, – поправил его Фортескью, указывая кончиком трости. – Взгляните на изгиб и длину бивней, на огромные размеры жевательных зубов. Череп формой и строением отличается от черепа мамонта Старого Света. Подобные останки, уникальные для Америки, были классифицированы как новый вид. Этот зверь называется мастодонтом.

– Мне все равно, как он называется, – перебил его отец Билли. – Это тот самый череп или нет? Вот что я хочу знать.

– Есть только один способ это выяснить.

Фортескью провел указательным пальцем по затылочному гребню черепа. Кончик пальца провалился в отверстие у самого затылка. Билли в его годы уже довелось освежать множество оленьих и заячьих туш, и он сразу же понял, что отверстие слишком ровное, чтобы иметь естественное происхождение. Ухватившись за выступ, француз потянул кость вверх.

И снова все дружно ахнули. Рабы в ужасе отпрянули назад. Билли широко раскрыл глаза, увидев, как верхняя часть черепа чудовища разделилась надвое, раскрывшись, словно дверцы шкафчика. С помощью отца Билли Фортескью осторожно развел половинки черепа в стороны – каждая имела в толщину два дюйма и была размером с блюдо.

Даже в тусклом свете осеннего солнца содержимое черепа ярко заблестело.

– Золото... – выдавил потрясенный дядя Билли.

Изнутри весь череп был выложен драгоценным металлом.

Фортескью провел пальцем по внутренней поверхности одной половинки. Лишь теперь Билли заметил на золотой поверхности какие-то бугорки и канавки. Это было похоже на грубую карту со стилизованными изображениями деревьев, выпуклыми горами и извилинами рек. Также здесь имелись какие-то непонятные каракули, вероятно надписи.

Наклонившись ближе, Билли услышал, как Фортескью пробормотал одно-единственное слово, полное благоговейного трепета с примесью страха:

– Иврит...

Как только первое потрясение прошло, отец Билли сказал:

– Но череп пуст.

Французский ученый внимательно осмотрел раскрытый череп, отделанный золотом. Внутренняя полость была достаточно просторной, чтобы вместить новорожденного младенца, однако, как заметил отец Билли, она была пуста.

Фортескью изучал внутренность черепа с непроницаемым видом, но по его глазам Билли почувствовал, как лихорадочно работает мозг француза, просчитывая самые разные возможности.

Что же они ожидали здесь найти?

Фортескью поднялся на ноги.

– Закройте череп. И снова заверните его в шкуру. Через час мы должны тронуться в обратный путь в Виргинию.

Никто не возражал. Если пойдут слухи о том, что здесь обнаружено золото, весь курган будет тотчас же разрыт и разграблен. Через час солнце опустилось за горизонт, и пришлось зажечь факелы. Рабочие быстро освободили из земли массивный череп. Приготовили повозку, запрягли лошадей. Все это время отец Билли, его дядя и Фортескью о чем-то разговаривали вполголоса.

Билли взял метлу и приблизился к ним, притворяясь, будто занят работой, а на самом деле пытаясь подслушать разговор. Однако голоса были очень тихими, и ему удалось разобрать лишь обрывки фраз.

– Возможно, этого достаточно, – говорил Фортескью. – Отправная точка. Если враг найдет это раньше нас, ваш молодой союз будет обречен, даже не родившись.

Отец Билли покачал головой.

– Тогда, наверное, лучше уничтожить его прямо сейчас. Развести большой костер. Сжечь кости в пепел, переплавить золото в слиток.

– Быть может, дело еще дойдет до этого, однако решение мы оставим за губернатором.

Отец Билли хотел было возразить француз, но тут заметил маячащего поблизости сына. Обернувшись, он махнул рукой, отгоняя Билли, и открыл рот, собираясь заговорить.

Однако эти слова остались произнесенными.

Не успел отец Билли издать и звука, как его горло взорвалось кровавым фонтаном. Он рухнул на колени, зажимая руками шею. Под подбородком у него торчал наконечник стрелы. Кровь текла сквозь пальцы, пузырилась на губах.

Билли бросился к отцу, в одно страшное мгновение превратившись из юноши снова в ребенка.

– Папа!

Потрясенный, он ничего не слышал. Окружающий мир съезжился, и в нем остался только его отец, молча смотрящий на него с болью и сожалением. Затем его тело судорожно задергалось и повалилось вперед. Вся его спина была утыкана оперенными стрелами. Позади отца Билли увидел своего дядю – тот стоял на коленях, уронив голову вперед. Копье пронзило ему грудь сзади, острие воткнулось в землю, а древко удерживало мертвое тело.

Прежде чем Билли смог осмыслить, что происходит у него перед глазами, его ударили сбоку – но это были не стрела или копье, арука. Упав на землю, он откатился вбок. Эта встряска помогла ему вернуться в реальный мир.

Слух Билли наполнился криками. Ржали лошади. Среди пылающих факелов плясали тени. Десятки человек сцепились друг с другом в смертельной схватке. Повсюду в воздухе пели стрелы, и им вторили дикие вопли.

Нападение индейцев.

Билли попытался высвободиться, но Фортескью придавил его своим весом.

– Лежи и не шевелись, мальчик, – шепнул ему на ухо француз.

Перекатившись в сторону, Фортескью быстро вскочил на ноги, встречая полуголого дикаря с нарисованной на лице жуткой маской, который бросился на него с высоко поднятым томагавком. Фортескью применил против него свое единственное оружие, каким бы жалким оно ни было, – трость.

Направленная на противника резная дубовая палка разделилась пополам у самой рукоятки. Деревянная оболочка отлетела в стороны, открывая спрятанное внутри лезвие. Используя элемент внезапности, Фортескью сделал выпад и пронзил нападавшего в грудь.

Раздался утробный крик. Фортескью развернулся, подчиняясь моменту инерции дикаря, и швырнул его тело на землю к ногам Билли.

Француз рывком высвободил свою шпагу.

– Ко мне, мальчик!

Билли повиновался. Только на это и был способен его рассудок. У него не было времени размышлять. Он с трудом поднялся на ноги, но тут его схватила за запястье чья-то рука. Окровавленный дикарь попытался его удержать. Но Билли выдернул свою руку.

Индеец упал. Там, где его рука стиснула рукав рубашки, остался смазанный отпечаток. Это не кровь, мгновенно осознал Билли.

Краска.

Он уставился на умирающего дикаря. Ладонь, пытавшаяся его схватить, была белой, словно лилия, хотя в складках кожи еще оставалась краска.

Чьи-то пальцы ухватили Билли за шиворот и подняли на ноги.

Обернувшись, Билли увидел Фортескью.

– Это... это не индейцы... – всхлипнув, пробормотал мальчик, силясь разобраться в происходящем.

– Знаю, – ответил Фортескью, не выказывая ни капельки страха.

Вокруг продолжал царить хаос. Погасли последние два факела. Повсюду звучали крики, стоны, мольбы о помощи.

Низко пригибаясь, Фортескью потащил Билли через лагерь, остановившись только для того, чтобы подобрать бизонью шкуру, которую он сунул в руки мальчишке. Они добрались до одинокой лошади, которая стояла спрятанная в лесной чаще, привязанная к дереву. Лошадь уже была оседлана, как будто кто-то предвидел внезапное нападение. Она перебирала ногами и скидывала голову, напуганная криками и запахом крови.

– Садись в седло, – велел француз. – Будь готов скакать что есть мочи.

Не успел Билли вставить сапог в седло, как француз снова скрылся в темноте. Мальчишке ничего не оставалось, кроме как взобраться в седло. Похоже, своим весом он успокоил лошадь. Билли обхватил руками взмокшую от пота лошадиную шею. Сердце его по-прежнему бешено колотилось, в ушах стучала кровь. Ему хотелось зажать уши руками, оградиться от жутких криков, но он уставился в темноту, стараясь разглядеть, не приближаются ли дикари.

«Нет, это не дикари», – напомнил себе Билли.

Позади хрустнула ветка. Обернувшись, Билли увидел хромающую фигуру. По покрою камзола и блеску шпаги он определил, что это француз. Ему захотелось соскочить с лошади, схватить этого человека за плечи и заставить его дать хоть какое-то объяснение этому вероломному кровопролитию.

Фортескью, шатаясь, приблизился к нему. У него из бедра чуть выше колена торчала сломанная стрела. Подойдя к Билли, француз протянул ему два больших предмета.

– Возьми их и держи завернутыми в шкуру.

Мальчик принял ношу. С ужасом он увидел, что это верхушка черепа чудовища, расколотая на две половины и покрытая внутри золотом. Судя по всему, Фортескью отделил ее от остального черепа.

Но зачем?

Не имея времени задавать вопросы, Билли сложил два костяных блюда, инкрустированных золотом, в бизонью шкуру на коленях.

– Скачи! – приказал Фортескью.

Билли взял поводья, но в последний момент заколебался.

– А как же вы, сэр?

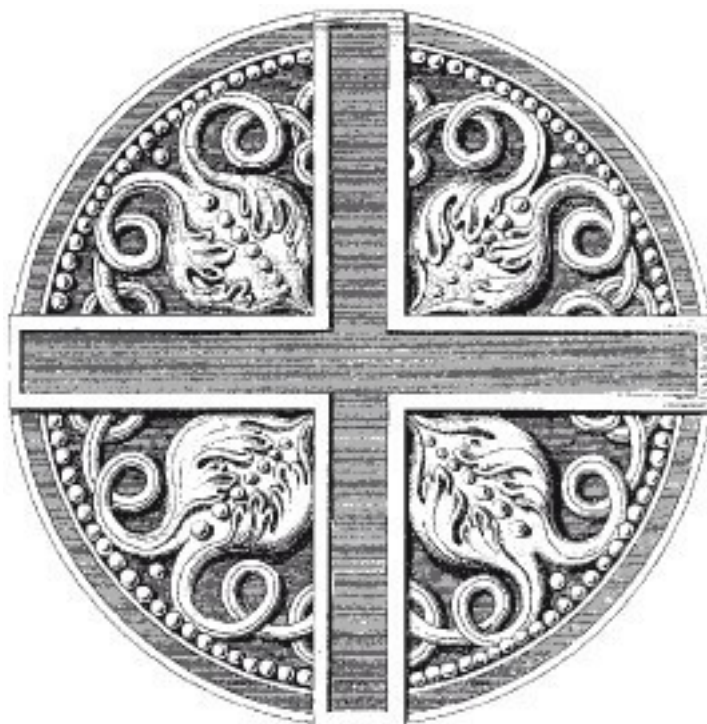
Фортескью положил руку ему на колено, словно чувствуя его животный ужас и стараясь его успокоить.

– У твоей лошади ноша велика и без моего веса. Ты должен скакать так быстро, как только сможешь. Доставь это туда, где оно будет в безопасности.

– Куда? – спросил Билли, сжимая поводья.

– Новому губернатору Виргинии. – Француз отступил назад. – Доставь это Томасу Джефферсону.

Часть первая ВТОРЖЕНИЕ

1

Наше время

18 мая, 13 часов 32 минуты

Скалистые горы, штат Юта

Это было похоже на вход в преисподнюю.

Двое молодых парней стояли на гребне, нависшем над глубокой расселиной, погруженной в тень. Им потребовалось восемь часов, чтобы подняться из крошечного поселка Рузвельт до этого глухого места в самом сердце Скалистых гор.

– Ты уверен, что это то самое место? – спросил Трент Уайлдер.

Чарли Рид достал сотовый телефон, сверился с навигатором, затем изучил старинную индейскую карту, нарисованную на куске оленьей шкуры и запаивную в прозрачный пластиковый пакет.

– Думаю, да. Если верить карте, на дне этого ущелья течет ручей. Вход в пещеру должен быть там, где ручей резко поворачивает на север.

Поежившись, Трент смахнул с волос снег. Хотя в долине пестрый ковер полевых цветов уже возвестил о приходе весны, здесь, высоко в горах, зима еще держалась крепкой хваткой. Воздух оставался холодным, и горные вершины вокруг были покрыты снегом. Что еще хуже, с самого утра небо было затянуто низкими тучами, и наконец повалил снег.

Трент окинул взглядом узкое ущелье. Казалось, оно бездонное. Далеко внизу из моря тумана поднимался черный сосновый лес. Со всех сторон вокруг вздымались голые скалы. Хотя ребята и захватили веревки и альпинистское снаряжение, Трент надеялся, что оно не понадобится.

Однако на самом деле его тревожило не это.

– Может, лучше все-таки не спускаться туда, – промямлил он.

Чарли удивленно поднял брови.

– И это после того, как мы лезли сюда целый день?

– А что насчет проклятия? Твой дед...

Чарли небрежно махнул рукой.

– Старик уже одной ногой в могиле, а голова у него насквозь проспиртована. – Чарли похлопал друга по плечу. – Так что не надо марать штаны от страха. Скорее всего, в пещере лишь несколько наконечников стрел да разбитые горшки. Может быть, даже пара костей, если нам повезет. Пошли.

Тренту ничего не оставалось, кроме как последовать за Чарли вниз по узкой оленьей тропе, которую они обнаружили раньше. Пробираясь вперед, Трент хмуро смотрел на спину ярко-красной куртки Чарли с двумя вышитыми орлиными перьями – эмблемой Университета штата Юта. Сам он по-прежнему был в своей школьной куртке с изображением пумы. Ребята дружили еще с начальной школы, однако в последнее время их пути стали расходиться. Чарли только что окончил первый курс университета, в то время как Трент работал в авторемонтной мастерской своего отца. Уже этим летом Чарли собирался устроиться помощником юриста резервации Юинта.

Его друг был восходящей звездой, и Тренту скоро понадобится телескоп, чтобы наблюдать за ним из крошечного поселка Рузвельт. Но чему тут удивляться? Чарли с юных лет затмевал своего друга. Разумеется, дело усугублялось и тем, что он был наполовину юта и унаследовал смуглую кожу и длинные черные волосы своего народа. Рыжий ежик Трента и буйная россыпь веснушек на носу и щеках навеки отвели ему роль ведомого Чарли на всех школьных вечеринках.

Хотя вслух этого никто не говорил, похоже, оба сознавали, что теперь, когда им на плечи легла тяжесть взрослой жизни, детской дружбе пришел конец. Поэтому в качестве ритуального прощания они согласились на это последнее приключение – поиски пещеры, священной для племени юта.

По словам Чарли, лишь нескольким старейшинам племени было известно об этом погребальном святилище в горах Юинта. И те, кто знал, не имели права никому об этом рассказывать. Сам Чарли проведал о тайне исключительно благодаря тому, что его дед слишком любил бурбон. Чарли сомневался, что дед вообще помнил о том, как однажды показал ему старинную карту на оленьей шкуре, спрятанную в пустотелый бизоний рог.

Впервые Трент услышал этот рассказ, когда они с Чарли только перешли в среднюю школу. Они с другом залезли в палатку, и Чарли, для пущего эффекта поднес к подбородку фонарик, поделился жуткой тайной.

– Мой дед говорит, в этой пещере по-прежнему обитает Великий дух. Охраняет таинственное сокровище нашего народа.

– Какое еще сокровище? – с сомнением спросил Трент.

В ту пору его гораздо больше интересовал журнал «Плейбой», тайком взятый в отцовском шкафу. Вот что было для него настоящим сокровищем.

Чарли пожал плечами.

– Не знаю. Но на него наложено проклятие.

– Что ты имеешь в виду?

Его друг поднес фонарик ближе к подбородку и зловеще изогнул брови.

– Дедушка говорит, что тому, кто проникнет в пещеру Великого духа, никогда уже не вернуться обратно.

– Это еще почему?

– Потому что если кто-нибудь выйдет из пещеры, миру наступит конец.

Как раз в этот момент старая охотничья собака Трента испустила душераздирающий вой, и оба мальчика вздрогнули от испуга. Правда, потом они рассмеялись и проговорили далеко за полночь. В конце концов Чарли отмахнулся от рассказа деда как от пустых предрассудков. Современный индеец, Чарли изо всех сил старался избавиться от подобных глупостей.

И тем не менее он взял с Трента клятву хранить тайну и отказывался провести его к месту, обозначенному на карте, – вплоть до этого дня.

– Тут становится теплее, – заметил Чарли.

Трент протянул ладонь. Его друг был прав. Снегопад усилился, повалили крупные хлопья, однако по мере того как друзья спускались вниз, воздух становился теплее и в нем начинал смутно чувствоваться запах тухлых яиц. В какой-то момент снегопад перешел в моросящий дождь. Трент вытер ладонь о штаны и вдруг понял, что туман, который он видел на дне ущелья, на самом деле является паром.

Вскоре внизу за деревьями показался и источник пара – маленький ручей, бурлящий в каменистом русле.

– Чувствуешь запах сероводорода? – спросил Чарли, пригнувшись. Добравшись до ручья, он попробовал воду пальцем. – Горячая. Наверное, берет начало из геотермального источника.

Его слова не произвели на Трента никакого впечатления. В окрестных горах было полно таких горячих ванн.

Чарли выпрямился.

– Здесь должно быть то самое место.

– Это еще почему?

– Такие горячие источники считаются у моего народа священными. Поэтому разумно предположить, что они выбрали именно это место для важного погребения. – Чарли направился вперед, перепрыгивая с камня на камень. – Пошли. Это уже совсем близко.

Двоем они двинулись вверх по течению ручья. С каждым шагом воздух становился горячее. Сернистые испарения обжигали Тренту глаза и ноздри. Неудивительно, что никто так и не нашел это место.

У Трента слезились глаза. Ему хотелось повернуть обратно, однако Чарли внезапно остановился у крутого изгиба ручья. Он описал полный круг, держа в вытянутой руке сотовый телефон, словно прут лозоходца, затем еще раз сверился с картой, которую сегодня утром выкрал из спальни деда.

– Мы на месте.

Трент осмотрелся по сторонам. Никакой пещеры не было. Только деревья и еще раз деревья. Наверху снег уже лег покрывалом на склоны, но здесь по-прежнему моросил противный дождь.

– Вход в пещеру должен быть где-то рядом, – пробормотал Чарли.

– Или это просто древняя легенда.

Перепрыгнув на другой берег ручья, Чарли принялся пинать ногой густые заросли папоротника.

– Нужно хотя бы осмотреться.

Трент нехотя принялся за поиски на своем берегу, удаляясь от воды.

– Я ничего не вижу! – крикнул он, упершись в гранитную стену. – По-моему, нам пора...

И тут он что-то заметил краем глаза, когда поворачивался назад. Это было похоже просто еще на одну тень на поверхности скалы, вот только в ущелье дул легкий ветерок, ветви колыхались и тени шевелились.

А эта тень не двигалась.

Трент шагнул к ней. Вход в пещеру был низким и широким, словно рот, застывший в вечном оскале. Он начинался в четырех футах от подножия скалы, прикрытый каменным выступом.

Плеск воды и ругательство возвестили о появлении друга.

Трент указал на щель.

– Она действительно здесь, – пробормотал Чарли, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность.

Они долго стояли, уставившись на вход в пещеру, и вспоминали связанные с нею легенды. Оба слишком волновались и не решались идти вперед, однако гордость не позволяла им отступить.

– Так мы войдем в нее? – наконец спросил Трент.

Его слова разбили патовую ситуацию.

Чарли расправил плечи.

– Черт побери, конечно войдем.

Не давая себе времени передумать, друзья подошли к скале и взобрались на каменный выступ перед входом в пещеру. Достав фонарик, Чарли осветил внутрь. Крутой проход уходил в глубь горы.

Чарли просунул голову в пещеру.

– Идем же за сокровищем!

Подхлестнутый прозвучавшей в голосе друга бравадой, Трент последовал за ним.

Проход быстро сузился, и друзьям пришлось пробираться гуськом. Воздух внутри был еще горячее, но, по крайней мере, здесь было сухо и воняло не так сильно.

Протискиваясь через одно особенно узкое место, Трент даже сквозь куртку ощутил жар, исходящий от гранита.

– Ого, – пробормотал он, выбираясь на свободу, – да здесь самая настоящая сауна, черт побери.

Чарли просиял.

– Точнее, парилка. Не исключено, что мой народ именно так и использовал эту пещеру. Готов поспорить, горячий источник прямо у нас под ногами.

Тренту это совсем не понравилось, но теперь пути обратно уже не было.

Еще несколько шагов – и проход привел в зал с низким потолком размером с баскетбольную площадку. Прямо впереди в каменном полу был выдолблен грубый очаг; на граните все еще оставалась копоть от пламени древних костров.

Чарли непроизвольно схватил друга за руку. Его хватка была железной, однако рука дрожала. И Трент понимал почему.

Пещера не была пустой.

Вдоль стен и на полу простиралось поле человеческих тел, мужских и женских. Одни сидели прямо, скрестив под собой ноги, другие повалились на бок. Кожа высохла, обтянув кости, глаза провалились в глазницы, губы растянулись, обнажая пожелтевшие зубы. Все тела были обнажены по пояс, в том числе и женщины, их иссохшие груди падали на животы. Некоторые мертвецы были в головных уборах из перьев, с ожерельями из камней, нанизанных на жилы.

– Мой народ, – хриплым от уважения голосом произнес Чарли, осторожно приближаясь к одной из мумий.

Трент последовал за ним.

– Ты уверен?

В ярком свете фонарика кожа казалась слишком бледной, волосы были чересчур светлыми. Однако Трент не был знатоком. Возможно, насыщенный химическими испарениями горячий воздух, высушивший тела, также каким-то образом отбелил кожу.

Чарли осмотрел мужчину с ожерельем из черных перьев на шее. Он поднес фонарик ближе.

– А этот какой-то красный.

Чарли имел в виду не кожу мертвеца. В ярком пятне света спутанные волосы на высохшем черепе определенно выглядели огненно-рыжими.

Но Трент обратил внимание на другое.

– Взгляни на его шею.

Голова мертвеца откинулась назад, к гранитной стене. Под подбородком зиял страшный разрез, обнаживший кости и высушенные ткани. Разрез был слишком ровным, и причина его не оставляла сомнений. В скрюченных пальцах мертвец сжимал сверкающее стальное лезвие. Оно казалось отполированным и отражало свет.

Чарли медленно обвел лучом подземный зал. Такие же лезвия валялись на полу или оставались в других окостенелых пальцах.

– Похоже, они покончили с собой, – пробормотал потрясенный Трент.

– Но почему?

Трент указал на противоположный конец пещеры. Там в каменной стене начинался другой проход, ведущий в глубь горы.

– Быть может, они спрятали там что-то, что-то такое, о чем никто не должен был знать?

Оба парня уставились за зияющую щель в скале. По телу Трента пробежала дрожь, на руках выступили мурашки. Друзья стояли не шелохнувшись. Ни у кого из них не было ни малейшего желания пересекать этот зал смерти. Даже обещанное сокровище потеряло свою привлекательность.

Чарли первым нарушил молчание:

– Давай уйдем отсюда.

Трент не возражал. Для одного дня с него хватило ужасов.

Развернувшись, Чарли торопливо направился к выходу, унося с собой единственный источник света.

Трент последовал за ним в узкий проход, то и дело оглядываясь назад из опасения, что Великий дух вселится в одно из мертвых тел и с ножом в руке бросится за ним в погоню. Сосредоточенный на том, что оставалось позади, Трент поскользнулся на осыпающихся камешках и, упав на живот, сполз по крутому склону обратно в пещеру.

Чарли не стал его ждать. Похоже, ему не терпелось как можно скорее уйти отсюда. К тому времени как Трент поднялся на ноги и отряхнул колени, Чарли уже добрался до конца прохода и выскочил на свободу.

Трент хотел было закричать, протестуя против того, что его бросили, но тут снаружи донесся чужой крик, резкий и полный ярости. Здесь был кто-то еще. Трент застыл на месте. Последовал гневный обмен фразами, но Трент не сумел разобрать ни слова.

Затем прогремел выстрел.

Подскочив от неожиданности, Трент отступил на два шага в темноту.

Когда затихли отголоски выстрела, воцарилась гнетущая тишина.

«Чарли?..»

Дрожа от страха, Трент попятился назад в пещеру, прочь от входа. Его глаза успели привыкнуть к темноте, и он смог добраться до зала с мумиями, не издав ни звука. Трент остановился, зажатый между мраком позади и тем, кто ждал его снаружи.

Тишина затянулась, время замедлило свой бег.

Затем послышался шорох и тяжелое дыхание.

«Нет, только не это...»

В отчаянии Трент зажал себе рот. Кто-то спускался в пещеру. Трент, у которого гулко колотилось сердце, понял, что у него нет выбора, кроме как отступить еще дальше в темноту... но сперва нужно было раздобыть оружие. Задержавшись на мгновение, Трент выдернул нож из стиснутой руки мертвеца, ломая ему пальцы, словно сухие ветки.

Вооружившись, он сунул нож за ремень и пробрался через поле мертвых тел. Трент шел, вытянув вперед руки, вслепую натываясь на колючие перья, высохшую кожу, жесткие волосы. Он воочию представлял, как к нему тянутся окостеневшие руки, но упорно двигался вперед.

Ему нужно где-нибудь спрятаться.

И есть лишь одно спасительное место.

Проход в дальнем конце пещеры...

Однако эта мысль приводила Трента в ужас.

В какой-то момент его нога шагнула в пустоту. Трент едва не вскрикнул, но вовремя спохватился, что это всего-навсего древний очаг. Быстрый прыжок – и он перескочил через углубление в каменном полу. Отталкиваясь от местонахождения очага, Трент попытался сориентироваться в темноте, однако оказалось, что в этом нет необходимости.

У него за спиной вспыхнул яркий свет, озаряя подземный зал.

Получив возможность видеть, Трент бросился напрямик через пещеру. Когда он достиг входа в тоннель, позади раздался глухой стук. Он оглянулся.

Из прохода выкатилось тело и застыло ничком на полу. Усиливающийся свет озарил орлиные перья, вышитые на спине красной куртки.

Чарли.

Зажав кулаком рот, Трент нырнул в спасительный мрак тоннеля. С каждым шагом обуявший его ужас становился сильнее.

«Знают ли убийцы, что я тоже здесь?»

Проход был прямым и ровным, однако он оказался слишком коротким. Всего через пять шагов Трент оказался в другом зале.

Метнувшись вбок, он прижался к стене, пытаясь унять судорожное дыхание, слышимое, несомненно, даже у входа в пещеру. Собравшись с духом, Трент осторожно выглянул из-за угла.

Кто-то вошел в зал с мумиями, держа в руке фонарик. В дрожащем свете фигура нагнулась и оттащила тело друга Трента к очагу. Значит, убийца был один. Опустившись на корточки, он положил фонарик на землю и прижал тело Чарли к груди. Подняв лицо к сводам пещеры, убийца принялся раскачиваться взад и вперед, напевая что-то на языке юта.

Трент прикусил губу, едва не вскрикнув от изумления. Он узнал это высохшее морщинистое лицо.

У него на глазах дед Чарли приставил к виску сверкающий пистолет. Трент поспешил отвернуться, но не успел. В замкнутом пространстве выстрел прогремел оглушительно. Череп старика взорвался фонтаном крови, осколков кости и мозгового вещества.

Пистолет со стуком упал на каменный пол. Старик тяжело повалился на тело своего внука, словно оберегая его и в смерти. Обмякшая рука толкнула брошенный фонарик, направив луч света прямо туда, где укрывался Трент.

Объятый ужасом, Трент опустился на колени, вспоминая зловещее предостережение деда Чарли: «Тому, кто проникнет в пещеру Великого духа, никогда уже не вернуться обратно».

Определенно, старейшина племени позаботился о том, чтобы это было верно и в отношении Чарли. Судя по всему, старик каким-то образом прознал о краже карты и проследил за своим внуком.

Трент закрыл лицо руками, учащенно дыша сквозь пальцы. Он отказывался поверить в то, что сейчас произошло у него на глазах. А вдруг здесь есть кто-то еще? Трент прислушался, однако ответом ему была лишь тишина. Так он прождал целых десять минут.

Наконец, убедившись в том, что он здесь один, Трент поднялся на ноги. Он оглянулся. Луч фонарика проникал до самого конца маленькой пещеры, открывая то, что было спрятано здесь столько веков.

В глубине пещеры были составлены рядами каменные ящики размером с коробку для обеда. Похоже, они были промаслены и обернуты корой. Однако внимание Трента привлекло то, что возвышалось посреди подземного зала.

На гранитном постаменте лежал здоровенный череп.

«Тотем», – подумал Трент.

Он уставился в пустые глазницы, отмечая высокий лоб и неестественно длинные клыки, каждый длиной в целый фут. Трент еще не забыл уроки палеонтологии и сразу же узнал череп саблезубого тигра.

Однако в первую очередь его поразила странная форма этого черепа. Нужно немедленно сообщить об убийстве и самоубийстве – но также и об этом сокровище.

Сокровище, которое не имеет смысла...

Трент торопливо выбежал из прохода, пересек зал с мумиями и бросился навстречу дневному свету. У входа в пещеру он остановился, вспоминая последнее предостережение деда Чарли насчет того, что случится, если кто-то проникнет в пещеру и выйдет из нее.

«Миру наступит конец».

С мокрыми от слез глазами Трент затряс головой. Предрассудки убили его лучшего друга. Он не допустит, чтобы то же самое произошло и с ним.

Одним прыжком Трент вернулся обратно в мир.

2

30 мая, 10 часов 38 минут

Горный район в резервации Юинта

Штат Юта

Только убийство может собрать подобный цирк.

Маргарет Грантхем шла по импровизированному лагерю, наспех разбитому на высокогорном лугу на краю ущелья. Она немного запыхалась в разреженном воздухе, и пораженные артритом колени ныли от холода. Порыв ветра едва не сорвал у нее с головы шляпу, но она удержала ее и заправила выбившиеся пряди седых волос.

Вокруг на площади в несколько сотен акров раскинулись палатки, разделенные на различные группы, от правоохранительных органов до местных средств массовой информации. Подразделение Национальной гвардии, поднятое по тревоге, было готово обеспечить порядок, однако даже его присутствие лишь усиливало общую напряженность.

На протяжении последних двух недель сюда стекались со всей страны группы индейцев, привлеченные разгорающимся конфликтом. Люди приходили пешком и приезжали верхом на лошадях, собранные под знаменами с различными аббревиатурами: АСАИ, НКАИ, ООКА, НИС⁴. Но в конечном счете все эти буквы служили одной цели – защите прав коренных жителей Америки и сохранению их культурного наследия. Среди современных палаток кое-где встречались вигвамы, возведенные группами, придерживающимися более традиционного уклада.

Мэгги хмуро проводила взглядом вертолет местного телевидения, приземлившийся на открытом поле на окраине лагеря, и печально покачала головой. Подобное внимание еще больше усугубляло ситуацию.

Профессор антропологии Университета Бригема Янга, Мэгги была приглашена сюда ютским отделением Управления по делам индейцев, для того чтобы оказать помощь в решении юридического спора по поводу открытия, совершенного в этих местах. Поскольку она больше тридцати лет руководила университетской программой изучения коренного населения, местные племена знали, с каким уважением она относится к их проблемам. К тому же Маргарет частенько приходилось работать вместе с известным историком и естествоиспытателем профессором Генри Каном, индейцем шошоном по национальности.

И сегодняшний день не был исключением.

Хэнк Каном ждал ее у начала тропы, ведущей вниз, к системе пещер. Как и Мэгги, он был в сапогах, джинсах и рубашке защитного цвета. Его тронутые сединой волосы были забраны в хвостик. Мэгги была одной из немногих, кто знал его индейское имя Кайвзу-вухнух, Непоколимая Скала. И сейчас застывший на окраине лагеря Хэнк как нельзя больше соответствовал своему имени. Хотя ему было уже под шестьдесят, его тело ростом шесть футов четыре дюйма по-прежнему состояло из одних накачанных мышц. Казалось, его лицо высечено из гранита, смягченного лишь пляшущими золотистыми искорками в глазах цвета карамели.

Его собака, крепкая австралийская овчарка, закаленная невзгодами, с одним голубым глазом и одним карим, сидела у его ног. Кличка собаки – Кауч – происходила от слова «нет» на языке юта. Мэгги улыбнулась, вспомнив объяснение Хэнка: «Когда он был щенком, мне приходилось постоянно на него кричать, вот кличка и пристала».

– Итак, какое здесь настроение? – спросил Хэнк, когда Мэгги подошла к нему и они поздоровались, заключив друг друга в объятия.

⁴ Ассоциация североамериканских индейцев, Национальный конгресс американских индейцев, Объединенная организация коренных американцев, Национальный индейский союз – организации, выступающие за права коренных жителей Америки.

– Ничего хорошего, – ответила она. – И скорее всего, дальше будет еще хуже.

– Почему?

– Сегодня я разговаривала с шерифом округа. Пришли результаты токсикологического анализа крови деда.

Хэнк принялся яростно жевать зажатую в зубах дешевую сигару. Свои сигары он никогда не закуривал, а только жевал. Законы мормонов категорически запрещали табак, но иногда приходилось идти на уступки. Чистокровный индеец из западной ветви шошонов, крещенных еще в начале девятнадцатого века после побоища у Бэр-Ривер⁵, Хэнк был воспитан в вере мормонов.

– И что там в этих результатах? – спросил он, не выпуская сигару изо рта.

– Анализ дал положительный результат на мескалин.

Хэнк покачал головой.

– Замечательно. Это еще подольет масла в огонь. Сумасшедший индеец, накачавшийся наркотиками, убивает своего внука и себя самого в приступе религиозного безумия.

– Пока что результаты анализа не преданы огласке, однако рано или поздно правда всплывет. – Мэгги обреченно вздохнула. – Уже на предварительный отчет реакция была достаточно плохой.

Первыми на место прибыли сотрудники полиции округа, которые и провели расследование убийства и самоубийства молодого парня-юты и его деда. Поскольку в деле имелся свидетель, друг убитого подростка, оно было закрыто, и тела переправили вертолетом в морг штата в Солт-Лейк-Сити. В своем первоначальном заключении коронер назвал причиной трагедии помутнение рассудка, вызванное хроническим алкоголизмом. Вслед за тем в местных и общенациональных газетах появились редакционные статьи, посвященные проблеме злоупотребления спиртным среди коренных жителей Америки и зачастую представлявшие карикатурный образ пьяницы индейца.

Все это только усиливало напряженность. Маргарет знала, с какой деликатностью нужно затрагивать подобные вопросы, особенно здесь, в Юте, где история взаимоотношений индейцев и белых была кровавой и жестокой.

Но это был лишь край политической трясины. Оставался еще вопрос об остальных телах, обнаруженных в пещере, о сотнях мумифицированных останков.

Хэнк махнул в сторону тропинки, ведущей к пещере. Его пес засеменял первым, подняв вверх лохматый хвост. Хэнк двинулся следом.

– Геодезисты подготовили свой отчет сегодня утром. Ты его видела?

Покачав головой, Мэгги поспешила за ним.

– Судя по их данным, – продолжил Хэнк, – вход в пещеру находится на федеральной земле, однако сама система пещер уходит под территорию резервации.

– Что окончательно размывает границы юрисдикции.

Хэнк кивнул:

– Хотя по большому счету особой разницы нет. Я ознакомился с докладом, подготовленным Управлением по делам индейцев. Все эти земли в тысяча восемьсот шестьдесят первом году входили в состав резервации Юинта и Утрей. Однако за прошедшие сто пятьдесят лет территория резервации существенно усохла и съежилась.

– То есть у Управления по делам индейцев есть все основания настаивать на том, что содержимое пещеры принадлежит ему.

⁵ Побоище у Бэр-Ривер – нападение отряда американской армии на стойбище индейцев шошонов у реки Бэр-Ривер на территории современного штата Айдахо, случившееся 29 января 1863 года. Солдаты насиловали и убивали женщин, не щадили детей. Всего было убито 21 солдат и около 250 индейцев.

– Все по-прежнему зависит от других параметров: возраста тел, времени погребения и, разумеется, того, принадлежат ли они вообще индейцам.

Мэгги кивнула. Именно с этой целью ее в первую очередь и пригласили сюда – определить расовую принадлежность останков. Вчера она произвела беглый осмотр. Судя по оттенку кожи, цвету волос и структуре костей лица, останки принадлежали европеоидам, однако одежда и предметы определенно были индейскими. Но все дальнейшие исследования – анализ ДНК, химические тесты – крепко завязли в юридических баталиях. Даже перемещение тел было запрещено специальным постановлением, вынесенным в соответствии с Законом о сохранении и восстановлении захоронений индейцев.

– Снова повторяется история с Кенневикским человеком, – вздохнула Мэгги.

Хэнк вопросительно поднял брови, и она пояснила:

– Еще в тысяча девятьсот девяносто шестом году на берегу реки Кенневик в штате Вашингтон был обнаружен древний скелет. Антропологи и криминалисты, первыми осмотревшие останки, определили, что они принадлежат европеоиду.

Удивленно посмотрев на нее, Хэнк пожал плечами.

– И что с того?

– Радиоуглеродный анализ установил, что телу больше девяти тысяч лет. Оно оказалось одним из самых древних, когда-либо обнаруженных в обеих Америках. Эта находка вызвала бурю интереса. Согласно нынешней теории, первобытный человек пришел в Северную Америку по сухопутному мосту, в далеком прошлом соединявшему Чукотку и Аляску. Обнаружение древнего скелета с европеоидными чертами лица противоречит этому предположению. Эта находка могла бы переписать заново историю ранней Америки.

– И что произошло?

– Пять местных индейских племен предъявили права на тело. Они потребовали захоронить останки без дальнейших исследований. Юридическая баталия продолжается до сих пор, спустя больше чем десять лет. Были и другие случаи обнаружения останков европеоидов в Северной Америке, и во всех случаях они становились предметом столь же жарких схваток. – Мэгги стала перечислять, загибая пальцы: – Мумия из Пещеры духов в Неваде, Орегонский древний человек, Женщина из Арлингтон-Спрингс. Большинство этих тел так и не было должным образом исследовано. Другие навсегда сгинули в безымянных индейских могилах.

– Будем надеяться, что здесь такого не произойдет, – заметил Хэнк.

К этому времени они достигли дна ущелья. Кауч ждал их внизу с поднятым хвостом, высунув язык и учащенно дыша.

Мэгги поморщилась, учуяв запах тухлых яиц, поднимающийся над сероводородным ручьем, согревающим долину. Ее лицо покрылось капельками пота, и она начала обмахиваться ладонью.

Заметив, что ей нехорошо, Хэнк поспешил ко входу в пещеру. Там дежурили двое солдат Национальной гвардии с автоматическими винтовками и пистолетами в кобурах. Поскольку случившееся получило широкую огласку, главной заботой оставались расхитители могил, особенно если учесть, что в пещере предположительно были спрятаны сокровища.

Один из часовых шагнул вперед – румяный молодой парень с золотисто-рыжей щетиной на щеках. Рядовой Стинсон провел здесь целую неделю и узнал приближающихся ученых.

– Майор Райан уже внутри, – сказал он. – Он дожидается вас, чтобы приступить к транспортировке артефактов.

– Хорошо, – заметил Хэнк. – Обстановка здесь достаточно напряженная.

– И не надо забывать про телекамеры, – добавила Мэгги. – Будет мало хорошего, если кто-нибудь увидит, как человек в форме американской армии скрывается, унося с собой священную для индейцев реликвию. Тут необходима тонкая дипломатия.

– То же самое сказал майор Райан. – Стинсон отступил в сторону, затем добавил вполголоса: – Но он уже начинает терять терпение. Он не слишком лестными словами отзывался о том, что здесь происходит.

И чему тут удивляться?

Майор Райан с самого начала был занозой в заднице.

Хэнк помог Мэгги взобраться на приподнятую площадку перед входом в пещеру. Его здоровенные руки крепко обхватили ее бедра, вызывая волну тепла, разлившуюся по всему телу вместе с уколом горестно-сладких воспоминаний. Однажды эти же самые руки прикасались к ее обнаженному телу – краткий роман, рожденный долгими ночами, проведенными вместе, и глубокой дружбой. Однако быстро выяснилось, что такие отношения не устраивают обоих. Им лучше было быть друзьями, чем любовниками.

И все же когда Хэнк присоединился к ней, легко запрыгнув на каменный выступ, щеки Мэгги пылали огнем. Он же, судя по всему, даже не заметил ее реакцию, что обрадовало ее, но в то же время причинило легкую боль.

Хэнк приказал Каучу оставаться снаружи. Собака разочарованно опустила голову.

Не успели Мэгги и Хэнк войти в подземный проход, как оттуда до них донесся приглушенный крик. Они переглянулись. Хэнк закатил глаза. Как всегда, майор Райан был чем-то недоволен. Командира подразделения Национальной гвардии несколько не волновало археологическое значение находки, и он всем своим видом показывал, что недоволен этим назначением. К тому же Мэгги подозревала, что тут не обошлось без расовой неприязни. Как-то она случайно услышала замечание Райана по поводу индейцев, собравшихся в лагере: «Надо было сбросить их всех в Тихий океан, когда у нас была такая возможность».

Однако она была вынуждена работать вместе с этим человеком, по крайней мере до тех пор, пока сокровища не будут доставлены в надежное место. В частности, именно поэтому им с Хэнком дали разрешение забрать тотем и переправить его в музей Университета Бриггема Янга. Такую огромную ценность нельзя было оставлять без присмотра. Как только тотем будет увезен отсюда, меры безопасности можно будет ослабить и, надо полагать, кипящие страсти несколько поостынут.

Войдя в главный зал, Мэгги остановилась, в который уже раз пораженная зловещим зрелищем мумифицированных останков. Пещера освещалась яркими лампами, запитанными от аккумуляторов. Пространство было разделено на отдельные сектора желтой полицейской лентой. Посредине проходила огороженная дорожка, ведущая к тоннелю в противоположном конце.

Мэгги направилась туда, однако ее внимание снова привлекли останки, лежащие вокруг. Было просто поразительно, как же хорошо они сохранились. Постоянное тепло от геотермальных источников выпарило всю влагу, высушило ткани и повысило концентрацию солей, выступивших в роли естественных консервантов.

В тысячный раз Мэгги задумалась над тем, почему все эти люди покончили с собой. Она вспомнила историю осады Масады, когда повстанцы-евреи покончили с собой, не желая покориться римскому легиону у ворот города⁶.

«Неужели здесь произошло нечто подобное?»

Ответа у Мэгги не имелось. Это была лишь еще одна загадка в ряду других.

Мэгги встрепенулась, краем глаза заметив мелькнувшую тень. Она остановилась и всмотрелась в сплетение тел в дальнем углу. Внезапно кто-то тронул ее за плечо, и она вздрогнула от неожиданности.

⁶ Масада – крепость на вершине неприступной скалы в Палестине. В 66 году нашей эры захвачена восставшими иудеями. После трехлетней осады римлянам удалось разрушить участок крепостной стены, и осажденные – мужчины, женщины и дети, – не желая попасть в плен и быть обращенными в рабство, все до одного покончили с собой.

Хэнк успокаивающе стиснул пальцы.

– В чем дело? – спросил он.

– Мне показалось, я увидела...

Ей не дал договорить крик, донесшийся из прохода:

– Наконец-то вы здесь!

В темноте тоннеля показался дрожащий свет. В пещеру вышел майор Райан с фонариком в руке. Он был в полной полевой форме, включая каску, скрывавшую его глаза в тени. Однако его рот кривился от раздражения.

Махнув фонариком, Райан развернулся и первым направился обратно в тоннель.

– Давайте шевелиться. Контейнер для транспортировки уже приготовлен, как вы и просили. Двое моих солдат вам помогут.

– Я тоже рад вас видеть, майор, – проворчал себе под нос Хэнк, следуя за ним.

Задержавшись у входа в тоннель, Мэгги оглянулась назад. В пещере больше ничего не двигалось. Мэгги покачала головой. «Наверное, просто игра света. Я уже начинаю пугаться теней».

– У нас проблема, – сказал Райан, привлекая ее внимание. – Случилась неприятность.

– Какая еще неприятность? – встрепнулся Хэнк.

– Сами увидите.

Обеспокоенная, Мэгги поспешила за ними.

«Ну что еще произошло?»

11 часов 40 минут

Диверсантка пряталась в тених, пока все трое не скрылись в подземном проходе. Она облегченно вздохнула, стараясь подавить дрожь страха. Ее едва не обнаружили, когда она прятала свой рюкзак за двумя телами.

Ее терзали сомнения.

«Что я здесь делаю?»

С самого утра она сидела здесь на корточках, скрываясь в темноте. Ее имя было Кай, на языке индейцев навахо «ива». Чтобы унять гулко колотящееся сердце, она пыталась почерпнуть силы у своей тетки, набраться у дерева терпения, а также его легендарной гибкости. Кай медленно распрямила затекшую левую ногу. Однако боль в спине не проходила.

Ждать осталось совсем недолго, заверила она себя.

Кай пряталась здесь с самого рассвета. Двое ее друзей, притворившись пьяными, отвлекли внимание часовых, заставив их отойти на несколько шагов от входа в пещеру. Воспользовавшись этим, Кай быстро выскочила из укрытия и нырнула в подземный проход.

Бесшумно добраться до места было очень нелегко. Однако в свои восемнадцать Кай была стройной и гибкой и мастерски умела прятаться в тених – этому искусству она научилась у своего отца, еще когда была ему ростом по пояс. Отец, бостонский таксист, обучал ее всем древним обычаям – до тех пор, пока его не убили.

Это воспоминание вызвало резкую обжигающую боль.

Через год после гибели отца девушка вступила в «Вахийю», воинствующую группировку, выступающую за права индейцев. Это название означало «волк» на языке индейцев чероки. Ловкие и смелые, все как один моложе тридцати лет, члены «Вахийи» нетерпимо относились к пресмыкательству официальных индейских организаций перед властью.

Прячась в темноте, Кай ощутила, как по ее телу разлилась горячая волна ярости, растопившая все страхи. Она вспомнила пламенные слова Джона Хокса, основателя и предводителя «Вахийи»: «Почему мы должны ждать, когда правительство Соединенных Штатов соизволит вернуть нам наши права? Зачем опускаться на колени и принимать жалкие крохи?»

«Вахийя» уже несколько раз по мелочам попадала в газетные заголовки. Члены группировки сожгли американский флаг на ступенях здания суда штата Монтана, после того как там был осужден индеец кроу, признанный виновным в употреблении галлюциногенных грибов во время религиозной церемонии. Не далее как в прошлом месяце активисты «Вахийи» разрисовали баллончиками с краской кабинет конгрессмена от Колорадо, выступающего за ограничение в штате игорного бизнеса, принадлежащего индейцам.

Однако здешние события, по словам Джона Хокса, предлагали отличную возможность заявить о себе на общенациональном уровне. Привлеченная разгорающимся противостоянием, «Вахийя» выйдет из тени и возьмет дело в свои руки, окажет решительное сопротивление вмешательству государства в дела племен.

Внезапно Кай услышала крик, донесшийся из глубины тоннеля.

Девушка внутренне напряглась. Незадолго до появления этой новой пары в дальней пещере уже звучал грохот, вслед за которым раздалась яростная ругань. Определенно, там что-то произошло. Кай молилась о том, чтобы это не поставило под угрозу срыва ее задание.

Особенно после того, как она столько времени прождала здесь.

Девушка перенесла вес тела на другую ногу, стараясь обрести терпение в ожидании условного сигнала. Она протянула руку и нащупала рюкзак, наполненный взрывчаткой Си-4 с уже вставленным беспроводным детонатором.

Ждать осталось совсем недолго.

11 часов 46 минут

– Ну, что вы тут натворили? – спросил Хэнк, и его разгневанный голос раскатился по всему небольшому пространству.

Мэгги положила ему на плечо руку, успокаивая друга. Она поняла, в чем дело, как только вошла в дальнюю пещеру.

Вдоль противоположной от входа стены были составлены ряды каменных ящиков, совершенно одинаковых, объемом около кубического фута. Вчера Мэгги осмотрела один из них. Ящик напомнил ей маленькую раку, шкатулку, в которой хранятся святые мощи. Ни один ящик нельзя было открывать до тех пор, пока не будет получено разрешение от специальной комиссии, призванной наблюдать за соблюдением Закона о сохранении и восстановлении захоронений индейцев. Все ящики были промаслены и завернуты в высушенную кору можжевельника.

Однако обстоятельства изменились.

Мэгги уставилась на пол десятка ящиков, разбросанных по полу пещеры. Ближайший к ней раскололся пополам, и обломки держались только благодаря обертке из коры.

Шумно вздохнув, Хэнк хмуро посмотрел на майора Райана.

– Вам было строжайше запрещено прикасаться к чему бы то ни было. Вы понимаете, какие это породит неприятности? Вам известно, какая пороховая бочка собирается наверху?

– Я все понимаю, – раздраженно ответил Райан. – Когда эти тупицы разворачивали транспортный контейнер, они зацепили углом ящики, и весь ряд рухнул.

Мэгги взглянула на двух солдат Национальной гвардии. Оба застыли с виноватым видом, уставившись на носки своих ботинок. Рядом стоял зеленый пластиковый контейнер с откинутой крышкой, заполненный изнутри пенопластовыми шариками и готовый принять для перевозки необычное сокровище, обнаруженное в пещере.

– Что будем делать? – угрюмо спросил Райан.

Мэгги ничего не ответила. Она не могла удержаться. Ноги сами собой подвели ее к разбитому каменному ящику на полу. Она опустила на корточки.

Хэнк подошел к ней.

– Лучше оставить все как есть. Можно описать и зафиксировать повреждения, затем...

– А можно просто заглянуть одним глазком внутрь. – Мэгги подобрала расколотый ящик с прилипшей корой. – Что сделано, то сделано.

Взяв отбитый кусок камня, она осторожно отложила его в сторону. Впервые за несколько столетий внутрь ящика проник свет.

Затаив дыхание, Мэгги убрала второй осколок, открывая то, что находилось внутри. Похоже, в ящиках лежали металлические пластины, почерневшие от времени. Склонившись к ящику, Мэгги покачала головой.

Странно...

– Это что, какие-то надписи? – спросил Хэнк, также не устояв перед любопытством.

– Возможно, просто следы коррозии.

Мэгги осторожно потерла большим пальцем угол пластины. Под черным маслом показался знакомый желтоватый блеск. Мэгги отпрянула назад.

– Золото, – в благоговейном почтении прошептал Хэнк.

Мэгги посмотрела на него, затем перевела взгляд на ряды каменных ящиков, представляя себе, что в них лежат такие же пластины. У нее учащенно забилося сердце, к горлу подступил комок. Сколько же здесь золота?

Женщина выпрямилась, пытаясь оценить размеры сокровища.

– Майор Райан, – предупредила она, – похоже, теперь вам и вашим людям придется проводить здесь гораздо больше времени.

У офицера вырвался непроизвольный стон.

– Значит, золота здесь гораздо больше.

Мэгги повернулась к гранитному столбу посреди пещеры. Наверху покоился массивный череп саблезубого тигра. Сам по себе этот доисторический артефакт являлся ценной находкой – священный тотем уничтоженного племени, имевший такое большое значение, что всю поверхность черепа гигантской кошки покрыли золотом.

Мэгги медленно обошла вокруг драгоценного идола. У нее по спине пробежала дрожь страха. Тут явно что-то было не так. Мэгги не могла выразить словами, что же ее беспокоит, однако ощущение не проходило.

К сожалению, у нее не было времени ломать голову над загадкой.

– В таком случае давайте хотя бы заберем отсюда этот череп, – распорядился Райан. – Ящиками можно будет заняться потом. Хотите, мои люди вам помогут?

Хэнк резко выпрямился.

– Мы сами справимся.

Мэгги кивнула, и они приблизились с двух сторон к золотому тотему. Мэгги провела пальцами по позолоченным клыкам.

– Я ухвачусь спереди, – сказала она. – А ты бери череп за основание. По моему счету поднимаем и кладем в контейнер.

– Понял.

Оба взялись за артефакт. Мэгги схватила клыки у основания, там, где они присоединялись к черепу. Ее пальцы с трудом сомкнулись вокруг огромных зубов.

– Раз, два... взяли!

Вдвоем они подняли череп. Покрытый золотом, он оказался гораздо тяжелее, чем предполагала Мэгги. Она почувствовала, как внутри что-то перемещается, пересыпается, словно мелкий песок. Они с Хэнком шагнули вбок, исполняя типичный танец грузчиков, переносящих какую-то тяжесть, и осторожно опустили череп в заполненный пенопластом контейнер. Артефакт тяжело погрузился в маленькие белые шарики.

Выпрямившись, Мэгги и Хэнк переглянулись. Вытерев руки о джинсы, Хэнк многозначительно покачал головой. Значит, он тоже обратил на это внимание. Не только на пересыпающийся песок, а на нечто еще более странное. Поскольку в пещере было жарко, можно было

ожидать, что череп окажется теплым. Однако, несмотря на тепло геотермальных источников, его поверхность была холодной.

Чертовски холодной...

В глазах Хэнка Мэгги прочитала тревогу, вторившую тому чувству, которое испытывала она сама.

Прежде чем они успели обменяться своим беспокойством, Райан захлопнул крышку контейнера с сокровищем и указал на выход.

– Мои люди вынесут череп из пещеры. А дальше это будет уже ваша проблема.

12 часов 12 минут

Присев на корточки, Кай проводила взглядом процессию, прошедшую через поле мумий. Возглавляла ее пожилая женщина с волосами, забранными под широкополую шляпу. За ней следовали трое солдат Национальной гвардии. Двое из них тащили зеленый пластиковый сундук.

«Золотой череп», – подумала девушка.

Они выносят череп из пещеры, как ее и предупреждали. Пока что все шло в соответствии с планом. Когда черепа здесь не будет, пещера останется полностью в распоряжении Кай. Она разместит заряды взрывчатки, дождется наступления ночи и незаметно выберется отсюда. Когда пещера опустеет, они ее взорвут и заново погребут своих предков. «Вахийя» громко заявит о себе. Индейцы устали просить разрешения у американского правительства, особенно по таким основным вопросам, как право хоронить мертвых.

Кай изумленно уставилась на высокого мужчину, замыкавшего шествие. Ее захлестнуло раздражение. Как и большинство коренных жителей Америки, она знала этого человека. Отношение к профессору Генри Каношу было противоречивое; его личность вызывала сильные эмоции. Никто не ставил под сомнение то, что он был последовательным борцом за права индейцев. По некоторым оценкам, только благодаря ему одному площадь резерваций в западных штатах увеличилась на целых десять процентов. Однако, подобно своим предкам, Канош принял веру мормонов, отказался от древних обычаев ради того, чтобы примкнуть к религиозной группе, которая когда-то жестоко преследовала и истребляла индейцев в Юте. Уже одно это делало его изгоем среди более консервативных членов местных племен. Кай однажды слышала, как Джон Хоке назвал Каноша «индейским дядей Томом».

Когда процессия подошла к выходу из пещеры, профессор Канош указал назад.

– До тех пор пока мы с этим не разберемся, никто не должен и словом обмолвиться о золоте, обнаруженном в этих ящиках. Держите язык за зубами. Меньше всего нам нужна новая вспышка «золотой лихорадки».

Кай встрепелась, услышав это слово. Золото?

Как ее предупредили, единственным золотом в пещере было покрытие доисторического черепа. «Вахийя» ничего не имела против того, чтобы тотем забрали отсюда. Артефакту предстояло занять место в одном из музеев индейской культуры, так что с этим все было в порядке. К тому же если бы взрыв похоронил вместе с мумифицированными останками позолоченный череп, у кого-нибудь, возможно, возникло бы желание произвести раскопки с целью его найти и покой умерших предков снова был бы нарушен.

Но что, если здесь есть еще золото?..

Дождавшись, когда все скроются в проходе, Кай встала и надела на плечо рюкзак. Она быстро прошла через поле тел, направляясь к дальней пещере. Ей нужно было все увидеть самой. Если там действительно залежи золота, это все меняет. Как и череп, такая жила могла привлечь искателей сокровищ начать раскопки.

Необходимо узнать правду.

Кай нырнула в погруженный во тьму подземный проход, и тут ее с новой силой охватила тревога. Если здесь полно золота, солдаты непременно вернутся, чтобы его охранять, и это существенно осложнит ей отступление. Она окажется в ловушке. Если ее схватят, как она объяснит, что ее рюкзак полон пластида? Ей придется провести за решеткой годы, а то и десятилетия.

Страх разгорался сильнее, заставляя девушку ускорять шаги.

Войдя в дальнюю пещеру, Кай включила маленький фонарик и обвела лучом крошечный зал, окутанный мраком. Сперва она не увидела ничего, кроме старинных каменных ящиков и опустевшего гранитного столба. Но затем искорка отраженного света привлекла ее внимание к тому, что лежало прямо под ногами. На полу валялся разбитый ящик.

Опустившись на колено, Кай поднесла фонарик ближе. В ящике лежала стопка металлических пластин толщиной в полдюйма каждая. У верхней угол был оттерт от грязи, и под слоем черного масла открывалось золото. Потрясенная, Кай опустилась на землю. Она провела лучом света по рядам ящиков.

«Что мне теперь делать?»

Погребенная глубоко под землей, Кай не имела возможности воспользоваться рацией. Она почувствовала себя в ловушке. Решение предстояло принять ей самой. Чувствуя давление времени и опасаясь возвращения солдат, девушка не могла рассуждать хладнокровно. Ее дыхание стало учащенным. Темнота вокруг сгустилась.

Услышав отдаленный крик, Кай вздрогнула и повернулась к выходу. Снаружи слышались приглушенные голоса. Кто-то снова закричал.

Кай вскочила на ноги.

Что происходит?

Она схватила свой рюкзак, чувствуя, как тщательный план «Вахийи» разлетается вдребезги. Паника нарастала, сердце гулко колотилось. Страх полностью затмил способность рассуждать. Нагнувшись, Кай раскрыла каменный ящик и выхватила из него три золотые пластины размером приблизительно восемь квадратных дюймов каждая. Пластины оказались очень тяжелыми, и она засунула их за пазуху, прижимая к телу, и застегнула молнию.

Ей нужны доказательства, чтобы объяснить Джону Хоксу, почему она не выполнила задание. Вряд ли он обрадуется, однако золото пригодится, особенно если правительство попытается умолчать о находке. Кай вспомнила последние слова профессора Каноша.

«Держите язык за зубами».

Она собиралась сделать то же самое, но сначала было необходимо выбраться отсюда. Сломая голову девушка бросилась обратно в главную пещеру. Гневные голоса снаружи звучали все громче. Кай понятия не имела, что послужило толчком к этому смятению, однако в нем была ее единственная надежда на бегство. Она понимала, что ей придется рискнуть, иначе она окажется здесь в ловушке, когда вернутся солдаты.

Оставалось надеяться лишь на одно, на ее самую сильную сторону – природную быстроту.

«Если только я смогу выскочить из пещеры и добежать до леса...»

Но что окажется у нее на пути?

До Кай долетели отголоски раскатистого рыка профессора Каноша:

– Назад!

12 часов 22 минуты

Мэгги стояла всего в нескольких ярдах от входа в пещеру. Они успели отойти совсем недалеко, и тут начался самый настоящий цирк.

Вспыхнули яркие прожекторы, пригвоздив всех к месту. В каком-то шаге от себя Мэгги увидела знакомые точеные черты лица, седые волосы и ледяные голубые глаза корреспондента Си-эн-эн, известного своими журналистскими расследованиями. Его сопровождал губерна-

тор Юты. Неудивительно, что Национальная гвардия не помешала телевизионной группе спуститься сюда. Что может быть лучше такого сенсационного сюжета в борьбе за переизбрание на второй срок?

Разумеется, вместе с телевизионщиками пришли и все обычные смутьяны, пляшущие перед объективами камер общенациональных выпусков новостей.

– Вы похищаете наше культурное наследие! – послышался крик из толпы.

Мэгги заметила крикуна в одежде из оленьих шкур и с раскрашенным лицом. Он держал над головой сотовый телефон и фотографировал происходящее. Можно не сомневаться: меньше чем через час все это будет выложено в Интернете.

Мэгги прикусила язык, сознавая, что любой ее ответ лишь подольет масла в огонь.

Несколько минут назад, когда процессия вышла из пещеры и была замечена, толпа хлынула вперед, едва не смяв губернатора, который как раз давал интервью на свежем воздухе. Несколько человек сбили с ног. Тут и там начались потасовки, возникла угроза серьезных волнений. Майор Райан вызвал оцепление солдат Национальной гвардии, умирняя людской поток и восстанавливая некое подобие порядка.

Тем временем Хэнк и солдаты образовали живую стену, отгородив Мэгги от телекамер и протестующих.

Хэнк поднял руку.

– Если кто-либо хочет посмотреть артефакт, – громовым голосом произнес он, – мы вам его покажем. Но затем доктор Грантхем отправится с ним прямым в Университет Бригема Янга, где его будут изучать историки из Смитсоновского музея американских индейцев...

Его перебил новый гневный крик:

– Значит, вы собираетесь сделать с этим черепом то, что сделали с телом Черного Ястреба!

Мэгги поежилась. Это было больное место в истории Юты. Черный Ястреб, вождь индейцев юта, погиб в стычке с поселенцами в середине девятнадцатого столетия. Затем его тело выставлялось на обозрение в различных музеях и в конце концов было утеряно. И лишь относительно недавно какой-то бойскаут, занимаясь историческим проектом, наткнулся на истлевшие останки вождя в кладовой мормонского храма.

Мэгги поняла, что услышала уже достаточно. Шагнув к зеленому контейнеру, она подняла руку. Все взгляды и объективы телекамер обратились на нее.

– Нам нечего прятать! – громко произнесла она. – Несомненно, эта находка породила сильные эмоции. Но позвольте заверить всех в том, что мы будем действовать с предельным уважением.

– Довольно разговоров! Если вам нечего прятать, покажите нам череп!

Этот крик был подхвачен толпой и превратился в скандирование.

Мэгги поймала взгляд губернатора. Тот едва заметно кивнул, предлагая ей подчиниться. Она подозревала, что для большинства собравшихся золотой тотем потерял историческую ценность, превратившись просто в невиданную диковинку. Что ж, если это цирк, кто мешает ей стать инспектором манежа?

Повернувшись к толпе спиной, Мэгги склонилась над контейнером и принялась возиться с тугими защелками. Пораженные артритом пальцы плохо слушались. К тому же морось потихоньку переходила в настоящий дождь. По пластиковой крышке контейнера забарабанили крупные капли. Толпа притихла.

Наконец Мэгги удалось освободить защелки и поднять крышку. Из-за дождя демонстрировать артефакт можно будет не больше минуты. Мэгги посмотрела на золотой череп, обернутый коконом пенопласта. Даже в тусклом свете благородный металл ослепительно сверкал.

Мэгги отступила назад, открывая содержимое контейнера объективам телекамер и взглядам толпы. Она поймала себя на том, что сама не может оторваться от черепа. На его позоло-

ченной поверхности сконденсировалась белая дымка. На глазах у Мэгги капля дождя упала на череп – и тотчас же превратилась в ледышку.

Толпа дружно ахнула.

Сперва Мэгги решила, что собравшиеся тоже заметили это странное явление, но затем она услышала топот бегущих ног. Подняв голову, она увидела, как из входа в пещеру выскочила худенькая девушка в черных джинсах и куртке, с рассыпанными по плечам иссиня-черными волосами, похожими на крылья ворона. Девушка придерживала куртку у груди, и все же что-то вывалилось у нее из-за пазухи и с глухим стуком упало на камни.

Это была золотая пластина.

Райан закричал, приказывая воровке остановиться.

Не обращая на него внимания, девушка повернула в сторону леса, но поскользнулась на мокром от дождя камне. Она качнулась, стараясь сохранить равновесие, и при этом у нее с плеча свалился рюкзак. Сама девушка едва не упала следом за ним, но удержалась на ногах с грациозностью испуганного оленя, развернулась на носках и устремила к опушке леса.

Мэгги застыла на месте, склонившись над раскрытым контейнером в попытке защитить его содержимое. Она посмотрела на артефакт, чтобы убедиться, что он в безопасности. За этот короткий промежуток времени новые капли дождя успели упасть на череп – и замерзнуть, украсив позолоченную поверхность ледяными бисеринками.

Не удержавшись, Мэгги сделала глупость и прикоснулась к одной из них. Она ощутила резкий, обжигающий укол. Волна боли стремительно разлилась по всей руке, но вместо того, чтобы отпрянуть назад, Мэгги почувствовала, как ее тянет вперед. Вся ее ладонь прилипла к позолоченной поверхности. От этого прикосновения у нее воспалились кости пальцев, прожигая насквозь плоть. Горло перехватило от изумления и ужаса. Колени подогнулись.

Мэгги услышала, как Хэнк что-то кричит ей.

Райан также заорал.

Одно-единственное слово, прорвавшееся сквозь мучительную боль.

«Бомба!»

12 часов 34 минуты

Яркая вспышка ослепила Хэнка. Мгновение назад он кричал, обращаясь к Мэгги, и вдруг его взор затянула белая пелена. Раскат грома чуть не проломил ему череп, тотчас же оглушив его. Ледяная ударная волна отбросила его назад, подобно холодной пощечине Господа. Хэнк ударился спиной о землю, затем с изумлением ощутил, как что-то влечет его тело к месту взрыва.

Охваченный паническим ужасом, он попытался бороться. Ситуация была не просто неправильная, но неестественная по своей сути. Хэнк сопротивлялся неудержимой силе всем своим существом.

Внезапно все закончилось, так же резко, как и началось.

Непреодолимое влечение исчезло, освобождая Хэнка. К нему вернулась способность воспринимать окружающий мир. Уши наполнились криками и стонами. Мечущиеся образы перед глазами сфокусировались. Он лежал на боку, лицом к тому месту, где прежде стояла Мэгги. Оглушенный случившимся, он не двигался. Мэгги исчезла – вместе с контейнером, черепом и большей частью скалы, включая вход в пещеру.

Приподнявшись на локте, Хэнк осмотрелся по сторонам.

Мэгги нигде не было видно – ни обугленных останков, ни изуродованного тела. Ничего, кроме почерневшего от копоти круга на дымящихся камнях.

Хэнк с трудом поднялся на ноги. Кауч пугливо присел, поджав хвост. Хэнк подумал, что, если бы у него был хвост, он поступил бы так же. Он потрепал собаку по голове, успокаивая ее.

– Все будет хорошо.

Ему самому хотелось в это верить.

К этому времени толпа пришла в себя. Начался панический исход. Съёмочные группы отступили выше, оттесненные цепочкой солдат Национальной гвардии. Двое гвардейцев увели губернатора вверх по тропе на случай новой атаки.

У Хэнка перед глазами возник образ рюкзака, оброненного девушкой. Упав рядом с контейнером, рюкзак раскрылся, и из него вывалилось содержимое: кубики желтоватой глины, соединенные между собой проводами.

Майор Райан сразу же узнал опасность.

Бомба.

Однако для Мэгги его предостережение прозвучало слишком поздно.

У Хэнка в груди вспыхнула ярость. Он постарался мысленно представить облик диверсанта. Судя по бронзовой коже, карим глазам и черным волосам, девушка определенно была индианкой. Доморощенная террористка. Как будто и без того проблем не хватало.

Онемев от горя, Хэнк, шатаясь, направился к месту взрыва. Ему было необходимо во всем разобраться. Майор Райан подобрал с земли свою каску и водрузил ее на голову.

– Никогда не вид ел ничего подобного, – пробормотал Райан, все еще не оправившийся от потрясения. – Взрыв был таким мощным, что должен был разнести в клочья половину толпы. В том числе и нас. – Он протянул вперед раскрытую ладонь. – Чувствуете, какой жар?

Хэнк последовал его примеру. Они как будто находились в раскаленной топке. Зловоние горячей серы вызвало у него приступ тошноты.

У них на глазах большой валун, находившийся в зоне взрыва, развалился на части. Затем то же самое произошло со скалой, рассыпавшейся на поток камней и песка. Казалось, твердый гранит превратился в песчаник, ломкий и непрочный.

– Посмотрите на землю, – испуганно произнес Райан.

Хэнк посмотрел на опаленный взрывом камень, дымящийся и окутанный туманом. Капли дождя, падая на скалу, шипели и превращались в пар. И все же Хэнк не понял, что так встревожило майора. Впрочем, глаза у того были моложе и зорче.

Присев на корточки, Хэнк изучил землю более внимательно. И наконец тоже это увидел. Раньше ему мешали разглядеть клубы пара. Каменная поверхность больше не представляла из себя одно твердое тело, превратившись в нечто похожее на молотый перец, – и она двигалась!

Отдельные крупинки дрожали и подпрыгивали, словно капельки кипящего масла на раскаленной сковородке. На глазах у Хэнка маленький камешек на поверхности рассыпался на горстку крупного песка, затем превратился в пыль. Капля дождя, упавшая в это место, выбила воронку. Словно от камня, упавшего на водную гладь, во все стороны по поверхности мельчайших частиц разбежалась рябь.

Хэнк покачал головой, не в силах поверить своим глазам. Он в страхе перевел взгляд на то место, где заканчивалась зона взрыва и начиналась твердая земля. У него на глазах камень на границе рассыпался в песок, тем самым увеличивая зону взрыва.

– Она расширяется! – понял Хэнк и оттолкнул Райана прочь.

– О чем это вы?

Ответов у Хэнка не было, однако убежденность только крепла.

– Там по-прежнему остается что-то активное. Оно пожирает камень, распространяясь во все стороны.

– Вы с ума сошли? Ничто не может...

Посреди зоны взрыва из-под земли вырвалась струя воды, словно изрыгнутая недрами, и быстро превратилась в окутанный паром столб, поднимающийся в воздух на несколько ярдов. На Хэнка и Райана пахло палящим жаром, и они были вынуждены отступить назад.

Остановившись, Хэнк почувствовал, что кожа у него на лице горит огнем, а глаза словно обваренные. Закашляв, он с трудом выдавил несколько слов:

– Похоже, трещина дошла до геотермального источника... под землей.

– О чем это вы?

Райан натянул воротник куртки на рот и нос. Горящая сера грозила сжечь легкие.

– То, что здесь происходит, не просто расширяется. – Хэнк указал на маленький гейзер. – Оно также направлено вниз!

3

30 мая, 15 часов 39 минут

Вашингтон, округ Колумбия

«Прощай, надежда на спокойный ужин».

Хотя взрыв в Юте произошел всего час назад, Пейнтер Кроу уже понял, что ему придется провести на работе всю ночь. С каждой минутой поступали все новые подробности, однако информация оставалась обрывочной вследствие того, что взрыв прогремел в отдаленных горах. Все вашингтонские разведывательные службы, приведенные в состояние повышенной готовности, внимательно следили за происходящим.

Включая «Сигму».

Группа, которую возглавлял Пейнтер, являлась оперативным крылом УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ. Его команда состояла из тщательно отобранных солдат сил особого назначения, тех, чей коэффициент интеллекта зашкаливал и кто демонстрировал феноменальные мыслительные способности. Пейнтер лично набирал кандидатов и обучал их различным научным дисциплинам, чтобы они впоследствии выполняли оперативную работу для научно-исследовательского подразделения Министерства обороны. Группы специалистов направлялись во все уголки земного шара для противодействия глобальным угрозам.

Как правило, такие внутренние события, как взрыв в Юте, не попадали в поле зрения «Сигмы», однако некоторые аномальные детали привлекли внимание босса Пейнтера, главы УППОНИР генерала Грегори Меткалфа. В душе Пейнтер до сих пор возражал против использования ресурсов своей группы в подобных случаях, но из-за политического конфликта, предшествовавшего взрыву, президент, в прошлом обязанный «Сигме» своей жизнью, лично попросил команду принять участие в этом деликатном деле.

А президенту Джеймсу Т. Ганту отказать нельзя.

Поэтому Пейнтеру пришлось на время отложить мечты о барбекю вдвоем с любимой женщиной.

В данный момент он стоял спиной к письменному столу и изучал огромные плоские мониторы, закрепленные на трех стенах его кабинета. На них выводились кадры взрыва, снятые с различных точек. Лучшую версию событий представляла камера Си-эн-эн. На остальных мониторах сменяли друг друга нечеткие зернистые фотографии и ролики, записанные на сотовые телефоны, это всевидящее цифровое око нового тысячелетия.

В сотый раз Пейнтер просматривал непрерывно повторяющийся сюжет Си-эн-эн. Пожилая женщина, ученый-антрополог доктор Маргарет Грантхем склонялась над зеленым армейским контейнером. Она откидывала защелки и поднимала крышку. Далее следовало какое-то волнение, изображение дергалось. Камера резко поворачивалась в сторону. Пейнтер мельком видел позади женщины какую-то фигуру, убегающую прочь, после чего – ослепительная вспышка.

Воспользовавшись пультом дистанционного управления, Пейнтер остановил изображение. На экране перед ним было самое сердце взрыва. Прищурившись, Пейнтер различил в пылающем шаре силуэт женщины, черный призрак посреди огненного сияния. Двигая изображение кадр за кадром, он проследил, как тень медленно растворяется в ярком свечении, превращаясь в ничто.

С тяжелым сердцем Пейнтер нажал кнопку ускоренного воспроизведения. Далее съемка стала хаотической и дерганой: деревья, небо, бегущие фигуры. Наконец оператору удалось найти выгодную точку, которую он посчитал безопасной для продолжения съемки. Камера снова нацелилась на дымящуюся зону взрыва. Вокруг по-прежнему царил хаос, люди бежали

врассыпную. Однако небольшая горстка оставалась внизу, осторожно изучая место происшествия. Через пару минут из-под земли вырвался горячий гейзер и прогнал последних смельчаков.

На столе Пейнтера уже лежал предварительный отчет геолога «Сигмы». По его оценке, взрыв проделал трещину до подземного геотермального источника.

Пейнтер снова посмотрел на гейзер. Теперь он уже не был подземным. К своему заключению геолог приложил топографическую карту местности с многочисленными точками, обозначающими горячие источники. Даже в сухом техническом жаргоне отчета Пейнтер чувствовал восторженное возбуждение, переполнявшее молодого ученого, жаждущего лично исследовать случившееся.

Пейнтеру была по душе такая страсть, однако Национальная гвардия оцепила место. Продолжались поиски таинственного неизвестного, стоявшего за взрывом. Снова воспользовавшись пультом дистанционного управления, Пейнтер остановил изображение убегающего террориста, нечеткое и размытое, длящееся не больше секунды.

По словам очевидцев, это была молодая женщина. Она бросила рюкзак, наполненный взрывчаткой Си-4 с детонаторами, после чего скрылась в лесу. Национальная гвардия, местная полиция и сотрудники отделения ФБР в Солт-Лейк-Сити предпринимали попытки наглухо закрыть территорию, однако гористая местность, сильно пересеченная и заросшая густыми лесами, значительно усложняла поиски террористки, особенно если здешние места были ей хорошо знакомы.

Положение усугубляло то, что женщина, как показывали очевидцы, была индианкой. Если это действительно так, политическая напряженность усилится еще больше.

Увидев свое отражение на экране монитора, Пейнтер задумался о собственном происхождении. По отцовской линии он был индейцем пеко, однако от матери-итальянки ему достались голубые глаза и светлая кожа. По внешности мало кто догадывался о его индейской родословной, хотя все основные признаки были на месте, стоило лишь приглядеться внимательнее: широкие высокие скулы, прямые черные волосы. И с годами индейская кровь проступала в облике Пейнтера все сильнее.

Лиза высказалась по этому поводу не далее как в прошлом месяце. Было воскресенье, они лениво валялись в кровати, не находя причин встать. Приподнявшись на локте, Лиза провела пальцем по лицу Пейнтера.

– Загар держится дольше, морщинки от солнца становятся глубже. Ты все больше напоминаешь старую фотографию своего отца.

Не совсем то, что хочешь услышать, лежа в постели со своей возлюбленной.

Лиза погладила одинокую седую прядь у него за ухом, похожую на белое перо, воткнутое в это черное поле.

– А может быть, ты просто чересчур отрастил волосы. Еще немного – и я смогу заплести их в косичку воина.

На самом деле Пейнтер вовсе не отращивал волосы. Просто за последние несколько месяцев у него не было возможности подстричься. Он все больше и больше времени проводил в командном пункте «Сигмы». Этот засекреченный центр располагался глубоко под землей, под одним из зданий Смитсоновского института⁷ на Эспланаде, занимая бывшие бомбоубежища времен Второй мировой войны. Такое местоположение было выбрано как ради удобного доступа к главным правительственным учреждениям, так и из-за близости к многочисленным научно-исследовательским лабораториям Смитсоновского института.

⁷ Смитсоновский институт – образовательный и научно-исследовательский институт и связанный с ним музейный комплекс в Вашингтоне.

Именно здесь Пейнтер находился почти постоянно. Зачастую его единственными окнами в окружающий мир оставались три огромных монитора на стенах кабинета.

Развернувшись, Пейнтер прошел к столу, размышляя о том, какие проблемы создаст эта доморощенная террористка, к тому же индианка. Он редко задумывался над своим происхождением, тем более что юность его прошла в приемных семьях. Его мать, страдавшая от депрессии, пырнула мужа ножом после семи лет совместной жизни и рождения сына. Лишившись родителей, Пейнтер не потерял связь со своими индейскими корнями, так как его воспитание взяло на себя племя его отца. Однако после такого беспорядочного сурового детства он во фразе «коренной американец», описывающей его происхождение, основной упор делал на слове «американец».

Пейнтера вывел из размышлений стук в открытую дверь кабинета. Обернувшись, он увидел на пороге Рональда Чуна, эксперта-геолога «Сигмы».

– Думаю, вам будет интересно взглянуть на это.

Пейнтер взмахом руки пригласил геолога в кабинет, почти ожидая, что Чу ну придется пригнуться, чтобы войти в дверь. Росту в ученом было без малого шесть футов, и до этой отметки он недотягивал только потому, что брил голову наголо. Чун был в сером лабораторном комбинезоне, из-под расстегнутого ворота виднелась футболка десантника.

– Что там у тебя? – спросил Пейнтер.

– Я внимательно изучил все донесения и наткнулся на один момент, который может оказаться важным. – Чун положил на стол папку. – Это показания некоего майора Эшли Райана, командира подразделения Национальной гвардии, находившегося там. Вопросы в основном посвящены личности террористки, а также событиям, предшествовавшим взрыву. Однако майора Райана, похоже, здорово встревожил сам взрыв.

Пейнтер выпрямился в кресле и взял папку.

– Взгляните на страницу восемнадцать, я выделил ключевые моменты маркером.

Раскрыв папку, Пейнтер отыскал нужную страницу и прочитал то, что было отмечено желтым цветом. Всего несколько фраз, однако от последних слов майора у Пейнтера застыла кровь в жилах.

Он прочитал вслух:

– «Земля... казалось, она растворяется».

Чун стоял перед столом, заложив руки за спину.

– С самого начала меня не покидало ощущение, что в этом взрыве есть что-то странное. Поэтому я посоветовался со специалистом-взрывником «Сигмы», и он пришел к тому же выводу. При детонации такой силы, что была пробита трещина в скальных породах и вскрыт геотермальный источник, радиус поражения должен был быть вдесятеро больше.

С порога донесся хрипловатый голос:

– Совершенно верно. Рвануло слабовато.

Пейнтер снова повернулся к дверям. Похоже, новый специалист по взрывотехнике «Сигмы» пришел поддержать Чуна. Он стоял, прислонившись к косяку. Росту в нем было на целый фут больше, чем в Чуне, да и весом он превосходил своего коллегу на добрых сорок фунтов, большую часть из которых составляли мышцы. Его темные волосы были коротко подстрижены, но он все равно тщательно зализывал скудные остатки назад с помощью геля. На нем был такой же комбинезон, как и на Чуне, но, судя по голой груди, под комбинезоном ничего не было.

Правой рукой он рассеянно мял комок глины.

– Ковальски, это, случайно, не Си-четыре из сейфа с оружием? – озабоченно спросил Пейнтер.

Выпрямившись, великан смущенно пожал плечами.

– Я тут подумал провести один опыт...

У Пейнтера в груди неприятно защемило. Джо Ковальски в прошлом служил на флоте, в «Сигму» был приглашен несколько лет назад. В отличие от остальных он был скорее приемышем, чем рекрутом. Первоначально Ковальски работал в группе силового обеспечения, однако Пейнтер почувствовал, что в этом парне есть кое-что невидимое с первого взгляда – пронизательная жилка, скрытая под простоватой внешностью.

По крайней мере, он на это надеялся.

Не так давно Пейнтер еще раз изучил личное дело Ковальски, в котором была описана его работа в «Сигме», оценил его навыки и сообразительность и поручил ему область, в которой тот чувствовал себя лучше всего: взрывать все и вся.

И вот сейчас Пейнтер начинал сожалеть о своем решении.

– По-моему, в опытах со взрывчаткой нет необходимости. – Он постучал по лежащей перед ним папке. – Ты уже ознакомился с этим отчетом?

– Я его пролистал.

– И что скажешь?

– Определенно это была не Си-четыре. – Подняв руку, Ковальски стиснул взрывчатку в своем могучем кулаке. – Взорвалось что-то другое.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Будут только после ознакомления с местом взрыва. Надо собрать образцы. До того у меня нет никаких мыслей.

Надо было отдать Ковальски должное: в данных обстоятельствах подобная оценка была совершенно оправданна.

– Что ж, кое-кто знает истину. – Откинувшись на спинку кресла, Пейнтер взглянул на экран с застывшим изображением террористки. – Конечно, если мы сможем ее найти.

14 часов 22 минуты

Отдаленный горный район, штат Юта

Кай спряталась в густых зарослях горной ивы рядом с холодным ручьем. Присев на корточки, она набрала в пригоршню прозрачной воды и жадно выпила ее. Здесь можно было не беспокоиться о лямблиях и прочих кишечных паразитах. Ручей питался водой из тающих снегов. Мучимая жаждой девушка готова была рискнуть.

Она выпила ровно столько, чтобы смочить пересохшие губы и самую малость утолить жажду, а потом закрыла лицо ледяными влажными ладонями. Холод помог ей собраться с мыслями.

И все же даже с закрытыми глазами Кай не могла прогнать из головы жуткий образ. Убегая прочь от погребальной пещеры, она оглянулась и успела увидеть ослепительную вспышку, услышать громовой раскат. Вопли и крики преследовали ее в лесной чаще.

«Ну почему я уронила рюкзак?»

Джон Хоке божился, что Си-4 абсолютно безопасна. По его словам, в заряд взрывчатки можно было выстрелить из пистолета – и ничего бы не произошло. Объятая ужасом Кай пришла к единственному пугающему объяснению: получается, кто-то из «Вахийи» стал свидетелем ее бегства из пещеры и подал команду на взрыв?

Но как можно было пойти на такое, зная, что рядом люди?

Никто не должен был пострадать при взрыве.

У Кай не было времени на размышления. Вот уже два часа она бежала напролом через лес, быстроногая, словно олень. По возможности девушка старалась держаться так, чтобы ее не заметили с воздуха. Один раз она уже видела вертолет, летящий над гребнем. Судя по виду, этот вертолет принадлежал скорее съемочной группе, чем правоохранительным органам, но все же Кай нырнула в густые заросли.

В оставшееся светлое время ей нужно было как можно дальше уйти от преследователей. Кай понимала, что ее будут искать. Она представляла себе, как ее фотографию показывают по телевидению по всей стране. И не питала никаких иллюзий насчет того, что ее личность еще долго будет оставаться неизвестной.

«Столько камер... кто-нибудь наверняка успел меня заснять».

Ее поимка была лишь вопросом времени.

Ей нужна помощь.

Но кому можно довериться?

16 часов 35 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Господин директор, похоже, нам наконец удалось сделать прорыв.

– Показывайте скорее, – велел Пейнтер, проходя в темное помещение, освещенное только расположенными по кругу мониторами и светящимися экранами компьютеров.

Центр спутниковой связи «Сигмы» всегда напоминал Пейнтеру боевой мостик ядерной подводной лодки, где также поддерживался полумрак, чтобы ничто не влияло на ночное зрение. И подобно боевому мостику подлодки, это был нервный центр «Сигмы». Вся информация стекалась сюда и вытекала отсюда по сложной паутине каналов, связывающих центр с различными разведывательными ведомствами, как местными, так и зарубежными.

Хозяйка этой паутины стояла перед рядом мониторов. Увидев вошедшего Пейнтера, она помахала рукой. Капитан Кэтрин Брайант, глава разведки «Сигмы», постепенно превратилась в первого заместителя Пейнтера. Она была его глазами и ушами во всем Вашингтоне, толковым игроком в мире междоусобной столичной политики. И, как и полагается хорошему пауку, Кэт поддерживала свою паутину в полном порядке, распуская нити вдаль и вширь. Однако главным ее качеством была сверхъестественная способность следить за каждой вибрирующей ниточкой в паутине, отфильтровывая шум и получая поразительные результаты.

Как, например, это произошло сейчас.

Кэт пригласила Пейнтера сюда, пообещав прорыв.

– Дайте мне секундочку, чтобы установить связь с Солт-Лейк-Сити, – сказала она.

Слегка поморщившись, Кэт положила ладонь на живот, продолжая набирать на клавиатуре одной рукой. На восьмом месяце беременности живот у нее был огромный, но она категорически отказывалась уходить раньше времени в декретный отпуск. Единственной ее уступкой своему положению было то, что она отказалась от обычной обтягивающей формы в пользу свободного платья и пиджака и позволила золотисто-каштановым волосам ниспадать на плечи, вместо того чтобы закалывать их в высокую прическу.

– Ты хотя бы сядь, – предложил Пейнтер, указывая на кресло перед монитором.

– Я и так просидела весь день. С обеда малыш вытанцовывает у меня на мочевом пузыре. – Кэт жестом подозвала Пейнтера ближе. – Господин директор, вам нужно посмотреть вот это. С самого начала расследования я отслеживала выпуски новостей местных каналов Солт-Лейк-Сити. Мне пришлось нелегко, но в конце концов я взломала их серверы и заглянула через плечо на то, что они приготовили для вечернего эфира.

– Зачем?

– Я предположила, что спрятать сотовый телефон чертовски просто.

Пейнтер вопросительно посмотрел на нее.

– Поскольку свидетелями взрыва было такое большое количество народу, – объяснила Кэт, – разумно предположить, что кто-то заснял террористку на свой телефон. Так где же эти кадры?

– Возможно, просто все были в панике.

– Согласна, после взрыва, но не до него. И если исходить из предположения, что кадры были сняты, почему их не передали полиции? Я исходила из этого предположения. Жадность является очень сильным движущим фактором.

– Ты полагаешь, кто-то припрятал видеосъемку террористки в надежде заработать несколько долларов.

– Чтобы ничего не упустить, я должна была предусмотреть и такую возможность. Спрятать во всеобщем хаосе телефон было проще простого. Или можно было отослать отснятые кадры по электронной почте и стереть память. Так что я просмотрела программы выпусков местных новостей в Солт-Лейк-Сити и наткнулась на файл отделения Эн-би-си, озаглавленный «Новые видеокадры с места взрыва в Юте».

Кэт нажала клавишу, и началось воспроизведение видеозаписи – тот же самый сценарий, который Пейнтер уже видел неоднократно. Но на этот раз террористка, выходящая из пещеры с рюкзаком на плече, была снята с другого ракурса и схвачена крупным планом. Она двигалась быстро и все же на какую-то долю секунды повернулась лицом прямо в объектив.

Кэт мастерски остановила кадр. Изображение было нечетким, но девушка явно была индианкой, как и показывали очевидцы.

Пейнтер подался к экрану. У него гулко забилося сердце.

– Можешь увеличить?

– Разрешение довольно плохое. Мне нужна минутка, чтобы все очистить. – Пальцы Кэт замелькали над клавиатурой. – Полагаю, тут мы сможем оказаться на шаг впереди. Этот сюжет поставлен в эфир на шесть часов вечера по местному времени. Я также ознакомилась с предварительным наброском сопроводительного текста. Очень взрывоопасно. Случившееся выставляется как возрождение воинственных настроений индейцев. В этой же самой папке лежали архивные съемки из Вундед-Ни.

Пейнтер чуть не застонал. В далеком 1973 году активисты движения американских индейцев выдержали длительную осаду сил ФБР в поселке Вундед-Ни, штат Южная Дакота. Противостояние закончилось кровопролитием. В начавшейся перестрелке два человека были убиты, многие получили ранения. Потребовались десятилетия на то, чтобы ослабить напряженность в отношениях между индейскими племенами и правительством.

– Отлично, – сказала Кэт. – Программа завершила обработку.

Изображение появилось снова, но теперь в тысячу раз более четкое. Поработав мышкой, Кэт увеличила лицо террористки во весь экран. Стало возможным рассмотреть мельчайшие детали. Темные глаза девушки были широко раскрыты от страха, рот приоткрылся в судорожном дыхании, черные волосы рассыпались, обрамляя бесспорно индейские черты лица.

– А она красивая, – заметила Кэт. – Ее обязательно должны узнать. Еще немного, и у этого привлекательного лица появится имя.

Пейнтер едва расслышал ее слова. Он впился взглядом в застывшее изображение.

Почувствовав неладное, Кэт обернулась.

– Господин директор?

Но Пейнтер не успел ответить. У него зазвонил сотовый телефон. Он достал аппарат. Это был его личный телефон, незашифрованный.

«Должно быть, Лиза звонит по поводу барбекю».

Пейнтер поднес телефон к уху, жадая услышать ее голос.

Но это была не Лиза. Звонившая выпалила, задыхаясь от волнения:

– Дядя Пейнтер... мне нужна ваша помощь.

Потрясенный, Пейнтер словно онемел.

– Я попала в беду... у меня крупные неприятности. Не знаю...

Слова оборвались. На заднем плане послышалось рычание большого зверя, затем раздался пронзительный крик, наполненный ужасом.

Пейнтер крепче стиснул телефон.
– Кай!
Связь оборвалась.

4

30 мая, 14 часов 50 минут

Отдаленный горный район, штат Юта

Кай отпрянула от собаки.

Насквозь промокшее, облепленное грязью животное имело жуткий вид. Возможно, собака была бешеная. Пасть раскрылась в угрожающем рычании, обнажились острые клыки. Собака медленно надвигалась на девушку, опустив голову и задрал хвост, – вот-вот вцепится ей в горло!

Кай вздрогнула, услышав раздавшийся у нее за спиной оклик:

– Довольно, Кауч! Назад!

Обернувшись, девушка увидела, как из густой рощи скрученной широкохвойной сосны верхом на гнедой лошади выехал высокий мужчина в фетровой шляпе. Лошадь двигалась с легким изяществом, практически бесшумно ступая по склону.

Кай прижалась спиной к дереву, готовая обратиться в бегство. Она не сомневалась, что это федеральный маршал, даже была готова поклясться, что видит его значок, но, когда мужчина подъехал ближе, девушка разглядела, что это всего лишь компас, висящий у него на шее. Мужчина спрятал компас за пазуху.

– Да, юная леди, заставила ты нас погоняться, – недовольно проворчал мужчина. Его лицо по-прежнему оставалось скрыто в тени широкополой шляпы. – Однако нет такого следа, по которому не смог бы пройти Кауч, если он его взял.

Собака завиляла хвостом, однако ее зоркие глаза оставались прикованы к Кай. Снова послышалось негромкое рычание.

Незнакомец легко спрыгнул на землю. Он потрепал собаку, успокаивая ее.

– Ты должна простить Кауча. Он до сих пор не пришел в себя после взрыва. Здорово напугался.

Кай не знала, как ей относиться к незнакомцу. Определенно, он не имел отношения к Национальной гвардии и местной полиции. Кто он, простой охотник? Девушка заметила револьвер в кобуре на правом боку. Для кого предназначалось это оружие: для нее или же это обычная благоразумная предосторожность на случай встречи с медведем-барibalом или рыжей рысью, которыми кишели здешние леса?

Наконец незнакомец вышел из тени, снял шляпу и вытер лоб платком. Кай тотчас узнала его черные с проседью волосы, забранные в хвостик, и характерные жесткие черты лица чистокровного индейца. На мгновение она опешила от изумления. Этого человека она видела всего пару часов назад в пещере в горах.

– Профессор Канош... – сорвалось с ее уст, в голосе прозвучал гнев, смешанный с облегчением.

Профессор удивленно поднял брови. Какое-то мгновение он молчал, затем протянул руку.

– Полагаю, в данных обстоятельствах можно просто Хэнк.

Кай демонстративно отказалась пожать ему руку. Она не забыла то, как отозвался о Каноше Джон Хоке. «Индейский дядя Том». Разумеется, этот предатель своего народа будет помогать правительству охотиться на нее.

Уронив руку, Канош положил ее на пояс, касаясь кончиками пальцев рукоятки револьвера в кобуре.

– Так что же нам делать с тобой, юная леди? Ты накликала на себя целую гору неприятностей. Тебя разыскивают все стражи порядка по эту сторону Скалистых гор. Этот взрыв...

С Кай было достаточно.

– Я тут ни при чем! – выпалила она громко и гневно, переполненная желанием на кого-нибудь наброситься. – Я понятия не имею, что произошло!

– Может быть, и так, однако при взрыве были жертвы. Погибла моя очень близкая знакомая. И теперь все ищут, на кого бы свалить вину.

Кай молча уставилась на него. Глубокие морщины в уголках его глаз таили в себе бездонную скорбь. Он говорил правду.

Его слова задули пылающую в ней ярость, словно свечу. Сбылись ее худшие опасения. Кай закрыла лицо руками, вспоминая взрыв и ослепительную вспышку. Она сползла по стволу дерева на землю и сжалась в комок. У нее на совести убийство!

Озеро слез, копившееся у нее в груди с момента взрыва, прорвало плотину ужаса. Девушка забилась в беззвучных рыданиях.

– Никто не должен был пострадать, – задыхаясь, выдавила она, однако даже ей самой эти слова показались бессмысленными.

Ей на лицо упала тень. Опустившись на корточки, старик обнял ее за плечи и привлек к себе. У Кай не было сил сопротивляться.

– Могу только гадать, зачем тебе понадобился целый рюкзак взрывчатки, – тихо промолвил Канош. – Но ты права. Взрыв произошел не по твоей вине.

Кай отказалась обрести утешение в его словах. Отец, пока еще был жив, научил ее отличать правду от лжи, привил ей чувство ответственности. Почти всю свою жизнь Кай прожила вдвоем с ним. Ему приходилось работать на двух работах, чтобы на столе всегда была еда, а над головой – крыша. Кай провела больше ночей, ухаживая за соседскими детьми, чем в своем собственном доме. Отец и дочь как могли заботились друг о друге.

Так что незачем было обманывать себя. Умышленно или нет, сегодня она своими действиями убила человека.

– Я не знаю, что там произошло, – продолжал Канош, и его голос был проникнут теплом сочувствия, – но это не твоя взрывчатка проделала дыру в горе. Полагаю, виной всему был череп-тотем. Или то, что находилось у него внутри.

Какая-то частица Кай услышала эти слова и ухватила за них, словно утопающий. Однако переполненная чувством вины и горя девушка боялась до конца поверить старику.

Вероятно почувствовав ее сопротивление, Канош тихо произнес:

– Перед тем как приехать сюда, я читал отчеты о слухах, связанных с пещерой, о древних легендах, которые передавали друг другу старейшины племени. Согласно этим легендам, на погребальной пещере лежало проклятие и любое проникновение в нее должно было привести к всеобщей катастрофе. – Он печально усмехнулся. – Наверное, к этим легендам следовало прислушаться. Я много изучал историю нашего народа и пришел к выводу, что очень часто в подобных легендах есть зерно правды.

Его сильные руки и уверенные слова помогли Кай успокоиться. Слезы по-прежнему текли, но она нашла в себе силы поднять голову. Ей нужно было не только слышать Каноша, но и видеть его лицо.

– Значит... это взорвалась не Си-четыре в моем рюкзаке?

– Нет. Это было нечто гораздо более страшное. Вот почему я отправился тебя искать. Чтобы защитить тебя.

Девушка уселась прямо, высвобождаясь из его объятий. Судя по всему, Канош правильно истолковал ее вопросительный взгляд.

– Взрыв ускорил возгорание пороховой бочки, которая и так накапливалась в горах. Когда я уходил, активисты националистических движений уже начинали стычки с солдатами Национальной гвардии. Обе стороны обвиняют друг друга во всех мыслимых преступлениях и зверствах. Но в одном сходятся и те и другие.

Кай сглотнула комок в горле, догадываясь, что он имел в виду.

– Все считают, что виновата я.

– И все тебя ищут. А учитывая то, какая напряженная и запутанная сложилась ситуация, боюсь, кто-нибудь сначала выстрелит и лишь потом начнет задавать вопросы.

Девушка поежилась, внезапно почувствовав холод.

– И что же мне делать?

– Во-первых, расскажи мне, что произошло. Расскажи все, в мельчайших подробностях. Нередко правда является лучшей защитой.

Кай не знала, с чего начать, даже не была уверена, что ей известна вся правда. Но рука старика нашла ее руку и участливо ее пожала. И девушка почерпнула силы от этих крепких пальцев, так похожих на мозолистые руки ее отца.

Сначала слова давались ей с трудом, однако прошло совсем немного времени, и Кай выплеснула свой рассказ одним стремительным потоком, одновременно исповедуясь и очищаясь. В глубине души она также сознавала, что ей необходимо поделиться своей ношей, переложить хотя бы часть ее на чьи-то другие плечи.

15 часов 08 минут

Слушая рассказ девушки о случившемся, Хэнк внимательно наблюдал за ней. Свои вопросы он свел к минимуму, находя больше истины не в фактах, а в самом повествовании. Хэнк видел, как в глазах у девушки пламя неприкрытого страха угасло до тлеющих угольков. Прислушиваясь к ее голосу, он чувствовал поселившееся у нее в душе после смерти отца ощущение того, что ее предали, понимал, что ей необходимо найти виновного, увидеть смысл в бессмысленном убийстве. Потерянная и испуганная, она нашла новый дом, новое племя и новых друзей, воинственных членов «Вахийи».

Подобные истории Хэнк уже много раз слышал от других молодых индейцев: разбитые семьи, нищета, жестокое обращение родителей, пьянство. И все это многократно усугублено изолированной жизнью в резервациях. Молодежь оставалась опустошенной и обозленной на весь мир, жаждущей выплеснуть свою ярость. Многие скатывались на путь преступлений, другие проникались лютой ненавистью к любой власти. А такие люди, как Джон Хоке, основатель «Вахийи», охотились на эти потерянные души, используя подростковое бунтарство в своих собственных корыстных целях.

Хэнку была прекрасно знакома эта дорожка – когда-то он сам по ней прошел. В тринадцать лет он уже торговал наркотиками, сначала у себя в школе, затем на улице. И лишь когда его лучшего друга зарезал одурманенный наркотиками подонок, Хэнк нашел в себе силы вернуться к вере своего племени, учению святого Мормона. По мнению многих, для индейца это очень странный путь к спасению. Хэнк знал, с каким презрением индейцы относятся к тем своим соплеменникам, кто принял веру мормонов. Однако сам он, вернувшись к родным истокам, ощутил ни с чем не сравнимое удовлетворение.

И с тех пор Хэнк никогда не отказывал в помощи тем, кто встречался ему на пути. Именно поэтому он так упорно боролся за права индейских племен: его интересовали не только сами эти племена, он стремился обеспечить процветание резерваций, чтобы молодежи в них жилось лучше.

Его собственный дед, уже давно покоящийся в могиле, как-то сказал ему: «Самый богатый урожай снимают с обработанного и удобренного поля». И Хэнк старался прожить каждый день своей жизни в соответствии с этой заповедью.

Закончив свой рассказ, девушка расстегнула куртку, снова полностью завладев вниманием Хэнка. Она достала из-за пазухи две металлические пластины размером с книжку в мягкой обложке.

– Вот почему я покинула пещеру, не заложив заряд. Я забрала вот это. В качестве доказательства для Джона Хокса. Я хотела ему показать, что в пещере еще полно золота помимо кошачьего черепа.

Хэнк широко раскрыл глаза. Девушка похитила две золотые пластины. Он был уверен, что они пропали навсегда, погребенные под обвалившейся горой.

– Можно мне взглянуть?

Девушка протянула ему одну пластину, и Хэнк внимательно изучил ее в полосе пробивающегося солнечного света. Сквозь слой черного масла проступали строчки непонятных символов, высеченных на золоте. Две уцелевшие пластины были единственным ключом к загадке пещеры и массового самоубийства, к страшной тайне, для сохранения которой пришлось пролить столько крови.

Однако, сказать по правде, Хэнком двигал не только научный интерес. Когда он держал пластины, руки у него слегка дрожали. Он был индейцем, но также и мормоном и, занимаясь историей, помимо наследия коренных жителей Америки изучал прошлое своей религии. Согласно его вере, «Книга Мормона» являлась переводом текста на древнем языке, написанного на золотых пластинах, которые обнаружил Джозеф Смит, основатель Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. С тех самых пор как Смиту явилось это откровение, время от времени появлялись слухи о том, что найдены другие тайники с похожими пластинами. Как правило, речь шла о подделках и мистификациях; некоторые тайники так и не удавалось отыскать.

Хэнк пристально всматривался в нечеткие письмена, умом и сердцем жаждая понять то, что написано на пластинах. Однако сейчас у него была более неотложная задача.

Его мысли высказала вслух девушка:

– Что будем делать дальше?

Вернув ей пластину, Хэнк знаком показал, чтобы она снова спрятала ее под куртку. Он протянул руку, повторяя все заново:

– Хэнк Канош.

На этот раз девушка приняла предложенную руку.

– Кай... Кай Куочитс.

Хэнк удивленно поднял брови, услышав ее имя.

– Если не ошибаюсь, на языке навахо Кай означает «ива». Но по твоему произношению и внешности я бы предположил, что ты из какого-то племени с северо-востока.

Девушка кивнула.

– Я из племени пеко. Имя мне дала моя мать. Она была на четверть навахо и, по словам отца, хотела, чтобы я сохранила хоть частичку этого племени.

Хэнк указал на склон горы.

– В таком случае, юная леди, посмотрим, как ты оправдываешь свое имя. Ива славится способностью противостоять самому сильному ветру. А сейчас вокруг тебя определенно кипит настоящая буря.

Ответом ему стала робкая улыбка.

Хэнк направился к своей лошади. Хотя кобыле было уже двадцать лет, она держалась на ногах уверенно, как молодой жеребец. Хэнк вскочил в седло, не обращая внимания на слабую ноющую боль в бедре.

Он махнул рукой, предлагая Каучу идти первым. Поскольку сейчас горы прочесывались отрядами вооруженных охотников, любые сюрпризы были нежелательны. Собака предупредит, если кто-нибудь подойдет слишком близко.

Развернувшись в седле, Хэнк протянул руку девушке. Та с опаской взглянула на лошадь.

– Тебе еще никогда не приходилось ездить верхом? – спросил он.

– Я выросла в Бостоне.

– Ну хорошо, хватайся за мою руку. Я тебя подниму, и ты сядешь позади меня. Не бойся, Мария тебя не сбросит.

Кай схватила его за запястье.

– Куда мы поедем?

– Сдавать тебя властям.

Улыбка у нее на лице погасла. Уголки страха в глазах разгорелись ярче. Однако прежде, чем она успела возразить, Хэнк рывком поднял ее вверх, на что острой болью отозвалось его плечо.

– Извини, но тебе придется ответить за свои поступки.

Девушка устроилась в седле у него за спиной.

– Но это не по моей вине произошел взрыв...

Он обернулся.

– Верно. Однако ты собиралась совершить акт насилия, и неважно, что ты не довела задуманное до конца. Так что последствия неизбежны. Но ты не беспокойся. Я буду с тобой... вместе с ватагой лучших индейских юристов.

Однако его слова не загасили страх у нее в глазах.

Но тут уже ничего нельзя было поделать. Чем быстрее он передаст девушку в руки властей, тем безопаснее ей будет. Словно в ответ на его мысли из ниоткуда донесся размеренный рокот вертолета. Устремив взгляд в небо, Хэнк почувствовал, как его обвинили за талию две худенькие дрожащие руки. У него самого детей никогда не было, но от этого простого жеста по всему его телу разлилось тепло, воспламенившее отцовское желание защитить перепуганного ребенка.

Со стороны севера из соседней долины через хребет перевалил маленький военный вертолет. Опустив нос, он медленно двинулся вниз, похожий на сердитого и настойчивого шершня, несомненно высматривая кого-то на земле. Даже если бы вертолет не был защитного цвета, Хэнк узнал бы в нем «ирокез» Национальной гвардии штата Юта.

В названии вертолета Хэнк увидел добрый знак, хотя ни сам он, ни девушка не принадлежали к племени ирокезов. Он направил лошадь к опушке соснового леса, на открытую поляну.

«Что ж, покончим поскорее со всем этим».

Худенькие руки крепче стиснули его.

– Ты только не высовывайся, – сказал девушке Хэнк. – Говорить буду я.

Он пустил Марию медленным шагом. Покачивая боками, лошадь направилась к залитой солнцем поляне, заросшей высокой травой. Никаких сюрпризов быть не должно. Не успели они показаться из чащи, как вертолет резко клюнул носом и устремился к ним.

«Должно быть, на борту есть инфракрасный детектор. Уловил тепло наших тел».

Хэнк вывел лошадь из леса на открытое место.

Вертолет спикировал вниз, опустив нос и с оглушительным грохотом рассекая воздух несущим винтом. Шум был таким громким, что Хэнк лишь молча следил за сдвоенной дорожкой взметнувшейся вверх земли и перебитой травы, безмолвно пожирившей лужайку по направлению к ним.

Наконец он различил треск крупнокалиберных пулеметов вертолета.

«Какого черта?..»

На мгновение Хэнк застыл, сраженный изумлением и шоком.

Вертолет вел по ним огонь.

Потянув за поводья, Хэнк развернул Марию.

С его уст сорвался крик:

– Держись крепче!

5

30 мая, 17 часов 14 минут

Вашингтон, округ Колумбия

– Мне до сих пор не удалось проследить звонок вашей племянницы, – объявила Кэт, входя в кабинет Пейнтера. – Но мы продолжаем работать.

Пейнтер стоял перед столом, проверяя содержимое собранного чемоданчика. Самолет вылетал из национального аэропорта имени Рейгана через тридцать минут. Через четыре часа он должен был приземлиться в Солт-Лейк-Сити.

Пейнтер всмотрелся в лицо Кэт. Глубокая складка на лбу свидетельствовала о ее беспокойстве. Пейнтер разделял это чувство.

Прошло уже больше получаса с того момента, как ему позвонила взволнованная племянница и разговор внезапно оборвался после первых же слов. С тех пор он не мог с ней связаться. Возможно, Кай покинула зону действия сети? Или отключила телефон? Кэт попыталась проследить звонок через компанию сотовой связи, но, судя по всему, также безрезультатно.

– И по-прежнему нет никаких известий о том, что ее задержали в Юте? – спросил Пейнтер.

Кэт покачала головой.

– Чем скорее вы туда попадете, тем лучше. Если будут какие-либо новости, я позвоню вам на борт самолета. Ковальски и Чун уже готовы и ждут вас.

Пейнтер захлопнул чемоданчик. До отчаянного звонка Кай он собирался направить в Юту оперативную группу. Ему было нужно, чтобы кто-нибудь из «Сигмы» на месте изучил характер загадочного взрыва. Идеальным кандидатом для этого был Чун, да и Ковальски тоже мог с пользой поработать в составе следственной группы.

Однако после этого единственного звонка дело приобрело личный характер.

Взяв чемоданчик, Пейнтер направился к двери. До сих пор о том, что ему позвонила племянница, знали считанные единицы. За Кай и без того уже охотились все кому не лень.

В качестве дополнительной меры предосторожности Пейнтер сознательно не поставил в известность о случившемся своего шефа генерала Меткалфа, главу УППОНИР. Он пошел на это, чтобы избежать пространных объяснений, зачем ему нужно лично отправляться на место. Меткалф во всем действовал строго по правилам, и такая лишенная гибкости позиция связывала Пейнтеру руки. Учитывая личный характер предстоящей поездки, Пейнтер рассудил, что проще будет потом попросить у босса прощения, чем сейчас добиваться его разрешения.

К тому же в последнее время они с Меткалфом не слишком ладили, в основном из-за одного личного расследования, начатого Пейнтером полгода назад с целью проникнуть в самое сердце некой таинственной организации, которая доставляла «Сигме» много хлопот с самого момента ее создания. Во всем мире лишь пять человек знали об этом совершенно секретном расследовании. Но Меткалф был не дурак. Он уже заподозрил что-то и начал задавать вопросы, на которые Пейнтер предпочел бы не отвечать.

Так что, может быть, и к лучшему, что он покинет Вашингтон хотя бы на время.

Кэт направилась следом за Пейнтером в коридор.

Как только они вышли из кабинета, с кресла в холле поднялся мужчина. Пейнтер удивился, увидев, что это муж Кэт Монк Коккалис.

Увидев его резкие черты лица, бритую наголо голову и телосложение профессионального боксера, мало кто подумал бы, что под этой грубой внешностью скрывается острый, проницательный ум. В прошлом Монк служил в «зеленых беретах», однако в «Сигме» он переучился на медика-криминалиста, получив также вторую специальность в биотехнологиях. Последним Монк отчасти был обязан своему личному опыту. Во время одного задания он

лишился кисти руки. Ампутированная конечность была заменена чудом протезирования, в котором нашли воплощение новейшие разработки УППОНИР. Оснащенный самими разнообразными системами, протез был наполовину рукой, наполовину системой оружия.

– Монк, а ты что здесь делаешь? Я полагал, ты проводишь всесторонние испытания своего нового протеза.

– Испытания завершены. Протез показал себя с самой лучшей стороны. – В качестве доказательства Монк поднял руку и подвигал пальцами. – Затем позвонила Кэт. Она решила, вам не помешает дополнительная пара рук. Точнее, одна рука и один сногсшибательный новый протез.

Пейнтер оглянулся на Кэт.

Та постаралась сохранить внешнее спокойствие.

– Я подумала, что в этой поездке вам пригодится кто-нибудь с большим опытом оперативной работы.

Пейнтер по достоинству оценил ее предложение, поскольку он знал, что Кэт не любит разлучаться с мужем, особенно сейчас, когда ей предстояло рожать второго ребенка. Однако в данном случае он ответил отказом по более практическим соображениям.

– Спасибо, однако напряженность в горах Юты стремительно нарастает, и я полагаю, что более эффективной будет небольшая группа, действующая с хирургической точностью.

Увидев, как на лице Кэт разгладилась озабоченная складка, Пейнтер понял, что принял правильное решение. В свое отсутствие он оставлял Кэт временно исполняющей обязанности директора «Сигмы», а если Монк будет рядом с ней, она сможет полностью сосредоточиться на работе. Муж был для нее и якорем, и той самой водой, которая поддерживала ее на плаву. Монк обнял жену за талию и положил ладонь на ее округлый живот. Кэт склонила голову ему на плечо.

Решив этот вопрос, Пейнтер направился к лифту.

– Господин директор, будьте осторожны, – бросил ему вслед Монк.

Пейнтер уловил в голосе друга тоску. Похоже, предложение сопровождать его в Юту исходило не от одной Кэт. Однако и сам Пейнтер решил оставить Монка в Вашингтоне не только ради Кэт. Хотя Монк определенно был якорем для нее, он играл ту же роль еще для одного члена группы, которому последние месяцы приходилось очень нелегко.

И Пейнтер подозревал, что дальше будет еще хуже.

17 часов 22 минуты

Коммандер Грейсон Пирс не знал, как успокоить свою мать. Та возбужденно расхаживала взад и вперед по приемной смотрового кабинета.

– Не понимаю, почему мне нельзя присутствовать при беседе невролога с твоим отцом, – в который уже раз с раздражением повторила она.

– Ты сама прекрасно это понимаешь, – спокойно ответил Грей. – Социальный работник все объяснила. Результаты тестирования остроты ума будут гораздо точнее, если при этом не будут присутствовать члены семьи.

Отмахнувшись от его замечания, мать устремила в противоположный угол кабинета. Вдруг она споткнулась, и левая нога едва не подогнулась. Грей подался было вперед, готовый подхватить ее, но мать удержала равновесие.

Откинувшись на спинку пластикового кресла, Грей украдкой изучал свою мать. За последние месяцы она заметно похудела, истощенная постоянной тревогой. Шелковая блузка спадала с ее тощих плеч, открывая с одной стороны бретельку лифчика, – в нормальном состоянии мать ни за что не допустила бы подобную неопрятность. Только ее волосы, забранные вверх и заколотые шпильками, оставались безупречными. Грей представил себе, как мать возится с ними, считая их единственной частицей прежней жизни, над которой она сохранила контроль.

Пока мать расхаживала по кабинету, давая выход своему беспокойству, Грей прислушивался к приглушенным голосам, доносившимся из кабинета. Слов он разобрать не мог, но не вызывало сомнений раздражение, звучавшее в резком голосе его отца. Опасаясь взрыва, Грей оставался в напряжении, готовый в случае необходимости ворваться в кабинет. Его отец, бывший нефтяник из Техаса, никогда не отличался спокойным нравом. Грей с детства был свидетелем его резких вспышек, а после травмы, отнявшей ногу у здорового мужчины в самом расцвете сил, проблема только обострилась. Однако теперь отец стал еще более вспыльчивым, так как прогрессирующая болезнь Альцгеймера вместе с памятью разъедала и его способность держать себя в руках.

– Мне нужно было остаться с ним, – повторила мать.

Грей не возразил ей. Он уже устал от бесконечных разговоров с обоими. Ему хотелось устроить отца в специальную клинику, однако все его попытки наткнулись на глухую стену гнева и подозрительности. И отец, и мать наотрез отказывались покинуть бунгало в Такома-Парке, в котором прожили уже не один десяток лет, предпочитая иллюзорный уют привычного окружения квалифицированному уходу в клинике.

Но Грей не знал, долго ли удастся сохранять этот уют.

И дело было не только в его отце, но и в матери.

Та снова споткнулась, делая разворот. Грей подхватил ее под локоть.

– Почему бы тебе не присесть? – предложил он. – Ты выматываешь себя, а врач уже скоро закончит.

Ощущая проступающие под кожей хрупкие тонкие кости ее руки, Грей провел мать к креслу. Он успел переговорить наедине с социальным работником. Та выразила беспокойство по поводу здоровья его матери, как физического, так и умственного, высказав опасение, что нередки случаи, когда тот, кто ухаживает за больным, не выдерживает постоянного стресса и умирает первым.

Грей не знал, как ему быть. Он уже пригласил сиделку, чтобы та помогала матери, и это вторжение было встречено с недовольством. Но теперь и этого было недостаточно. Проблемы множились: с лечением, с медицинскими препаратами, даже с готовкой пищи. По ночам от любого телефонного звонка у Грея начинало колотиться сердце, он ждал худшего.

Грей предложил перебраться в дом к родителям, чтобы быть там ночью, однако пока что мать категорически не желала пересечь этот рубикон, – хотя Грей подозревал, что ее отказ обусловлен не столько гордостью, сколько чувством вины из-за того, что она так обременяет своего сына. И если к тому же учесть, какие бурные воды отделяли Грея от его отца, возможно, это было и к лучшему. Так что пока этот медленный танец предстояло исполнять мужу и жене вдвоем.

Дверь смотрового кабинета открылась, отвлекая Грея от невеселых мыслей. Увидев выходящего невролога, он уселся прямо. Судя по строгому лицу врача, результаты обследования были неутешительными. В течение следующих двадцати минут Грей выяснил, насколько именно неутешительными. Болезнь Альцгеймера быстро прогрессировала. Далее следовало ожидать, что у отца начнутся проблемы с одеванием, с использованием туалета. Он будет все чаще уходить из дома и теряться. Социальный работник предложила оснастить двери сигнализацией.

Разговаривая с нею, Грей краем глаза наблюдал за своим отцом, сидевшим в углу вместе с матерью. Старик казался бледной тенью того властного крепкого мужчины, каким был когда-то. Он сидел, тупо уставившись перед собой, и хмурился при каждом слове врача. С его губ то и дело срывалось беззвучное «чушь собачья», произнесенное так тихо, что слышал один лишь Грей.

Но от него также не укрылось, что отец крепко сжимал руку матери. Они держались друг за друга, пытаясь устоять перед мрачным прогнозом врача, словно одной силой воли можно было остановить неизбежное угасание и гарантировать то, что они никогда не расстанутся.

Наконец, после торопливого оформления страховки и выписки новых рецептов, их отпустили. Грей отвез родителей домой, убедился в том, что на вечер у них готов ужин, и вернулся к себе на велосипеде. Он что есть силы крутил педали, чтобы физической нагрузкой прочистить мозги.

Добравшись к себе домой, Грей долго стоял под душем – так долго, что израсходовал весь запас горячей воды. Ежась под остывающими струями, он вытерся, натянул трусы и направился на кухню. Грей уже подходил к холодильнику и одинокой бутылке пива, оставшейся от упаковки из шести штук, купленной вчера, когда заметил фигуру, сидящую в раскладном кресле.

Он стремительно повернулся. Как правило, он не страдал отсутствием внимания. Для оперативника «Сигмы» постоянная настороженность – лучший способ остаться в живых. Впрочем, женщина, с ног до головы в черной коже со стальными застежками-молниями, сидела неподвижно, словно изваяние. На подлокотнике кресла покоился мотоциклетный шлем.

Грей сразу же узнал незваную гостью, однако это нисколько не помогло унять бешено колотящееся сердце. Вставшие дыбом волосы на руках отказывались опуститься. И на то имелись веские причины. Это было все равно что обнаружить у себя в спальне отдыхающую пантеру.

– Сейхан... – пробормотал Грей.

Вместо приветствия та просто закинула ногу на ногу, но даже это небольшое движение свидетельствовало о силе и изяществе, заключенном в ее тонком, как хлыст, теле. Нефритово-зеленые непроницаемые глаза не отрывались от Грея, оценивая его. Погруженное в тень лицо Сейхан, в котором смешались европейские и азиатские черты, казалось высеченным из бледного мрамора. Что-либо мягкое в ней можно было найти только в распушенных волосах, ниспадающих на плечи, а не уложенных, по обыкновению, в строгий тугой пучок. Левый уголок ее губ чуть поднялся вверх, насмехаясь над изумлением Грея, – или это просто была игра теней?

Грей не стал терять время, спрашивая у Сейхан, каким образом она проникла в его запертую квартиру и почему появилась так внезапно, без предупреждения. Сейхан, опытная убийца, в прошлом работала на международную преступную организацию под названием Гильдия, – впрочем, это название не было настоящим, а использовалось лишь в качестве удобного псевдонима в докладах и разведсводках. Истинные цели и сущность Гильдии оставались неизвестными даже для ее членов. Тайная организация осуществляла свою деятельность через обособленные ячейки, разбросанные по всему земному шару, каждая из которых работала независимо от остальных и не обладала полной картиной.

Предав своих бывших хозяев, Сейхан осталась без родины и без дома. Она числилась в списках самых разыскиваемых преступников различных разведывательных ведомств, в том числе и в Соединенных Штатах. Сотрудники израильского «Моссада» имели приказ убить ее на месте. Однако вот уже почти год Сейхан работала на «Сигму», неофициально завербованная лично директором Кроу ради операции настолько засекреченной, что ее не было ни в каких отчетах, – операции с целью раскрыть личности истинных кукловодов Гильдии.

Но такое сотрудничество никого не могло обмануть. К нему Сейхан вынудил инстинкт самосохранения, а не преданность «Сигме». Она должна была уничтожить Гильдию до того, как Гильдия уничтожит ее. Во всем правительстве лишь считаным единицам была известна вся правда об особой договоренности с убийцей. Для обеспечения такого уровня секретности Грей был назначен единственным связным, через которого Сейхан поддерживала отношения с «Сигмой».

С момента ее последнего донесения прошло уже пять недель. Да и то тогда они разговаривали по телефону. Сейхан находилась где-то во Франции. Пока что она повсюду натывалась на тупики.

Так что же она делает здесь сейчас?

Сейхан ответила на этот не высказанный вслух вопрос:

– У нас проблема.

Грей не отрывал от нее взгляда. Хотя ему следовало бы испытывать тревогу, он не мог отрицать, что ощутил некоторое облегчение. Он мысленно представил бутылку пива в холодильнике, вспоминая, почему она была ему нужна. Внезапно он обрадовался тому, что его внимание отвлечено чем-то не связанным с социальными работниками, неврологами и рецептами.

– Эта твоя проблема, – спросил он, – имеет ли она какое-то отношение к ситуации в Юте?

– Какой еще ситуации в Юте? – прищурившись, ответила вопросом на вопрос Сейхан.

Грей внимательно изучал ее лицо, стараясь найти на нем малейшие признаки лжи. Определенно, загадочный взрыв заставил «Сигму» встрепенуться, и внезапное появление Сейхан показалось Грею подозрительным.

Наконец Сейхан пожала плечами.

– Я пришла, чтобы отдать тебе вот это.

Она встала и протянула ему несколько листов бумаги, после чего направилась к двери. Судя по всему, он должен был последовать за ней. Грей уставился на изображение на первой странице, однако для него в этом рисунке не было никакого смысла.

Он посмотрел на Сейхан, которая остановилась у двери.

– Что-то растревожило осиное гнездо, – сказала женщина. – Прямо здесь, у вас на задворках. Что-то большое. Возможно, это тот самый прорыв, которого мы ждали.

– То есть?

– Двенадцать дней назад все щупальца, которые я раскинула, внезапно задрожали. Самое настоящее землетрясение. А сразу же вслед за этим все те контакты, которые я так старательно обхаживала, умолкли.

Двенадцать дней назад...

Грей понял, что временные рамки соответствуют тому дню, когда в Юте был убит мальчишка-индеец. Неужели тут есть связь?

Сейхан продолжала:

– Что-то большое разбудило интерес Гильдии. И это землетрясение, о котором я сказала... его эпицентр здесь, в Вашингтоне. – Развернувшись, она посмотрела Грею в глаза. – Даже сейчас я чувствую, как приходят в движение невидимые силы. И именно в минуты подобного хаоса приоткрываются наглухо закрытые двери, позволяя вырваться на свободу крупным информации.

Грей отметил, что у нее горят глаза, дыхание стало учащенным от возбуждения.

– Тебе удалось что-то найти?

Сейхан снова указала на бумаги у него в руке.

– Все начинается здесь.

Грей опять уставился на изображение на первой странице.

Это была Большая печать Соединенных Штатов.

Грей ничего не понимал. Он перелистал несколько страниц. Это были отпечатанные на принтере документы, рисунки и ксерокопии страниц старинного письма, написанного от руки. Хотя чернила выцвели от времени, можно было разобрать четкий округлый почерк. Письмо было на французском. Грей прочитал имя того, кому оно было адресовано. Аршар Фортескью. Определенно, имя было французским. Однако на самом деле внимание Грея привлекла подпись в конце, автограф человека, написавшего это письмо. Это имя было известно любому американскому школьнику.

Бенджамин Франклин.

Грей нахмурился, прочитав имя, затем повернулся к Сейхан.

– Какое отношение эти бумаги имеют к Гильдии?

– Вы с Кроу попросили меня найти истинные корни этих ублюдков. – Сейхан распахнула дверь. Прежде чем она отвернулась, Грей успел заметить мелькнувший у нее на лице страх. – Вам не понравится то, что мне удалось выяснить.

Грей шагнул к ней, подчиняясь не только ее тревоге, но и собственному любопытству.

– И что же ты обнаружила?

Сейхан ответила, выходя в ночь:

– Гильдия... она уходит корнями к основанию Америки.

6

31 мая, 06 часов 24 минуты

Префектура Гифу, Япония

Эти данные были начисто лишены смысла.

Дзюн Ёсида сидел в своем кабинете в обсерватории Камиока и смотрел на монитор компьютера, не обращая внимания на ноющую боль в спине.

Источник информации, выведенной на экран, находился у него под ногами на глубине в тысячу метров, в самом сердце горы Икено. Там, погребенный глубоко под землей, защищенный от космических лучей, мешающих обнаруживать неуловимые элементарные частицы, размещался детектор «Супер-Камиоканде», цистерна из нержавеющей стали высотой сорок метров, заполненная сорока тысячами тонн сверхчистой воды. Целью этого массивного сооружения было изучение одной из мельчайших элементарных частиц во Вселенной – нейтрино, такой маленькой, что она не несла электрического заряда и практически не имела массы. Она была настолько крошечной, что беспрепятственно проходила сквозь твердое вещество.

Нейтрино постоянно прошивают Землю насквозь, прилетая из космоса. Через кончик нашего пальца каждую секунду проходит шестьдесят миллиардов нейтрино. Одна из фундаментальных частиц Вселенной, нейтрино по-прежнему остается тайной для современной физики.

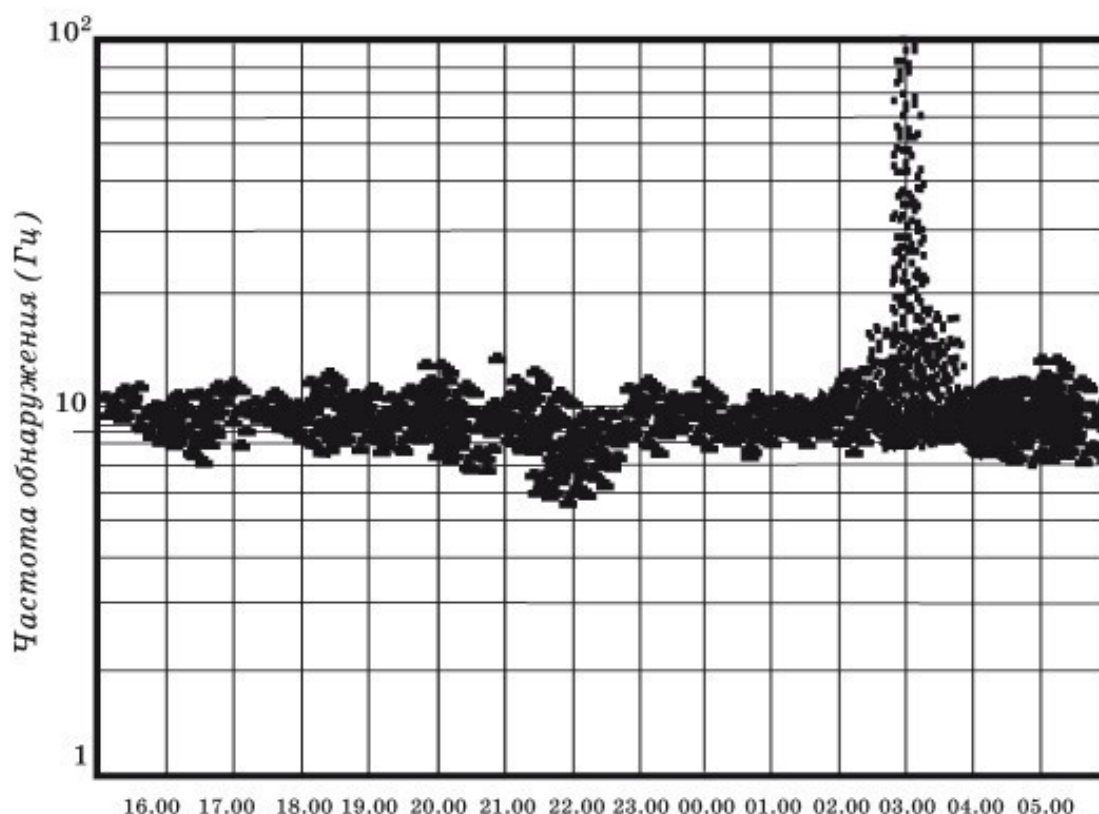
Подземный детектор «Супер-Камиоканде» был призван регистрировать и изучать эти неуловимые частицы. В редчайших случаях нейтрино сталкивается с молекулой – в данном случае с молекулой воды. От удара ядро разрушается, испуская голубое свечение. Для регистрации этих кратковременных, бесконечно слабых вспышек требуется абсолютная темнота. Для того чтобы фиксировать их, по всему периметру огромной цистерны были установлены тринадцать тысяч светочувствительных трубок, всматривающихся в погруженную в непроницаемый мрак воду, готовых засечь прохождение нейтрино.

И все же даже для этого огромного защищенного детектора обнаружение этих частиц было большой удачей. Число нейтрино, зафиксированных светочувствительными трубками, оставалось приблизительно неизменным на протяжении года, вот почему данные на мониторе поставили Ёсиду в тупик.

Он смотрел на выведенную на экран диаграмму, отображавшую активность нейтрино за последние полсуток.

Дзюн провел пальцем по экрану, следя за диаграммой. Дойдя до значения на три часа ночи, палец резко взметнулся вверх. Диаграмма отмечала внезапный всплеск количества нейтрино, обнаруженных сегодня, три часа назад. Ничего подобного до сих пор не наблюдалось.

Не иначе, как произошла ошибка измерений. Какой-то сбой.

На протяжении последних трех часов весь персонал обсерватории досконально проверял оборудование и тончайшую электронику. В следующем месяце группа ученых во главе с Ёсидой должна была отправиться в Швейцарию, чтобы провести совместные эксперименты в ЦЕРНе⁸.

Если это придется отменить...

Встав из-за стола, Ёсида потянулся, расправляя ноющую спину, и прошел к окну. Он любил освещение этого раннего утреннего часа, идеальное для его хобби – фотографии. Стены кабинета украшали снимки Ёсиды: гора Фудзи на рассвете, отражающаяся в озере Кавагути, пагода в Наре на фоне огненно-красных осенних кленов и его любимый снимок – водопады Сирайто зимой, с одетыми в лед скелетами деревьев, разбивающими лучи утреннего солнца на сотни крохотных радуг.

Сейчас за его окном расстился гораздо менее живописный ландшафт обсерватории, но внизу раскинулся небольшой водный сад рядом с ухоженным и обработанным буддийским садом, окружившим высокую зазубренную скалу. Дзюн часто сравнивал себя с этой скалой, одинокой, сгорбленной, окруженной бурлящей жизнью.

Он оторвался от размышлений, услышав, как за спиной распахнулась дверь. В кабинет быстро вошла Джанис Купер, длинноногая светловолосая аспирантка из Стэнфордского университета. Она была на тридцать лет моложе Дзюна, настолько же худая, насколько он был тучным. Доктор Купер неизменно источала аромат кокосового масла и держала себя так, словно вот-вот унесется прочь, слишком наполненная калифорнийским солнцем, чтобы сидеть на месте.

Порой она выводила Дзюна из себя одним своим присутствием.

⁸ ЦЕРН (Европейский центр ядерных исследований) – крупнейшая в мире лаборатория физики высоких энергий, основной комплекс расположен на границе Швейцарии и Франции.

– Доктор Ёсида! – воскликнула она, запыхавшись, словно бежала сюда со всех ног. – Я только что говорила с нейтринной обсерваторией Садбери в Канаде и лабораторией «Айскьюб» в Антарктиде. Там тоже были зафиксированы резкие всплески числа нейтрино, в тот же самый момент времени, что и у нас.

Очевидно, доктор Купер собиралась добавить еще что-то, но Дзюн поднял руку, чтобы обдумать услышанное и облегченно вздохнуть. Значит, никакого сбоя не было. Это решало одну загадку, но приносило на хвосте новый, гораздо более тревожный вопрос: что в таком случае было источником столь колоссального выброса нейтрино? Рождение сверхновой звезды в глубинах космоса? Мощная вспышка на Солнце?

Словно прочитав его мысли, доктор Купер заговорила снова:

– Рику спрашивал, спуститесь ли вы к нему вниз. Он считает, что нашел способ установить местонахождение источника выброса нейтрино. Когда я уходила, он как раз над этим работал.

Дзюн не хотел тратить время на причуды доктора Рику Танаки. Получив убедительные доказательства того, что резкий всплеск количества зафиксированных нейтрино не является следствием неисправности одной из систем обсерватории, он решил, что загадка может подождать еще несколько часов. Сам он не сомкнул глаз всю ночь, а в свои шестьдесят три был уже не юношей.

– Рику просил очень настойчиво, – не сдавалась доктор Купер. – Он сказал, это важно.

– Для доктора Танаки все важно, – пробурчал под нос Дзюн, даже не пытаясь скрыть свое презрение.

Однако, несмотря ни на что, в голосе доктора Купер прозвучало возбуждение:

– Рику уверен, что эти нейтрино имеют земное происхождение.

Дзюн уставился на молодую женщину.

– Это невозможно!

Основная часть нейтрино приходит с фоновым излучением Вселенной: солнечные протуберанцы, умирающие звезды, сталкивающиеся галактики. Но некоторые нейтрино, называемые геонейтрино, рождаются в самой Земле: от распадающихся изотопов в почве, от космических лучей, проникающих в верхние слои атмосферы, даже от взрыва ядерной бомбы.

– Рику в этом уверен, – настаивала доктор Купер.

– Чепуха. Для такого мощного выброса нейтрино потребовалась бы энергия, эквивалентная одновременному взрыву ста термоядерных бомб.

Порывисто вскочив с места, Дзюн направился к двери. Правую ногу пронзила резкая боль – обострение невралгии седалищного нерва.

«Пожалуй, мне лучше спуститься вниз».

Это решение было порождено не столько желанием узнать, прав ли доктор Танака, сколько стремлением доказать, что молодой физик ошибается. Подобное случалось крайне редко, и Дзюн не собирался пропустить такой случай.

Доктор Купер открыла перед ним дверь, а сама осталась, чтобы закончить свою работу. Стараясь скрыть хромоту, Дзюн вышел в коридор и направился к лифту, который спускался с верхних этажей в подземные лаборатории. Шахта была установлена совсем недавно. До сооружения лифта попасть в сердце горы можно было только по тоннелю для грузовых машин или в вагонетках. Но хотя новый способ был гораздо быстрее, он внушал Дзюну страх.

Кабина неслась вниз, словно падающий камень, отчего у Ёсиды тошнота подступала к горлу. Одолеваемый клаустрофобией, пожилой ученый слишком отчетливо представлял себе многометровую толщу скал, нараставшую у него над головой. Когда кабина наконец опустилась до самого дна шахты, двери открылись, и Дзюн прошел в главный центр управления детектором. Разделенный на отдельные закутки и кабинеты зал внешне ничем не отличался от обычной лаборатории на поверхности земли.

Однако Дзюн знал, что это впечатление обманчиво.

Выйдя из кабины лифта, он ссутулился, чувствуя тяжесть горы Икено над собой. Дежурный физик стоял у закрепленного на стене жидкокристаллического монитора в дальнем конце главного зала.

Доктору Рикю Танаке было двадцать с небольшим, рост его едва превышал пять футов. Физик-вундеркинд уже защитил две докторские диссертации и работал здесь над третьей. Сейчас молодой ученый стоял, заложив руки за спину, и сосредоточенно разглядывал выведенную на монитор карту земного шара. В левой половине экрана мелькали столбцы цифр.

Танака склонил голову набок, словно пристально вслушиваясь в какие-то звуки, слышные ему одному, – быть может, это был шепот, содержащий ответы на тайны Вселенной.

– Результаты очень любопытные, – сказал он, даже не оборачиваясь, вероятно уловив отражение Дзюна в одном из погашенных мониторов сбоку от себя.

Дзюн нахмурился, столкнувшись с этим вопиющим отсутствием элементарных приличий. Ни приветственного поклона, ни слова о том, что пожилому ученому пришлось проделать долгий путь, чтобы спуститься сюда. Поговаривали, что молодой физик страдает синдромом Аспергера, легкой формой аутизма. Однако Дзюн был уверен в том, что его коллега просто невоспитан и использует этот диагноз как прикрытие.

Подойдя к стоящему перед монитором Танаке, пожилой ученый обратился к нему так же бесцеремонно:

– Ну, что там?

– Я собирал данные о нейтрино из всех лабораторий земного шара. От русских на озере Байкал, от американцев в Лос-Аламосе, от англичан в обсерватории Садбери.

– Я уже слышал, – нетерпеливо сказал Дзюн. – Все они зафиксировали выброс нейтрино.

– Я связался и с другими лабораториями, и они также прислали свои результаты. – Танака кивнул на мелькающие колонки цифр. – Нейтрино летят по прямой от источника, породившего их. Ни сила тяжести, ни гравитация не влияют на их траекторию.

Дзюн внутренне ошетинился. Ему не нужно читать лекции о таких основополагающих вещах.

Судя по всему, Танака не заметил неприязни пожилого ученого. Он продолжил:

– А значит, проще простого воспользоваться данными из разных источников по всему земному шару и определить, где находится источник этого выброса.

Дзюн удивленно заморгал. Это было такое очевидное решение. Он залился краской. Как директору обсерватории, ему следовало бы додуматься самому.

– Я пропустил программу четыре раза, с каждым проходом уточняя параметры поиска. Источник определенно имеет земное происхождение.

Танака застучал по клавиатуре под монитором. На экране появилось изображение земного шара с координатной сеткой. Сначала Западное полушарие, затем Северная Америка, потом западная половина Соединенных Штатов. Еще несколько нажатий на клавиши – и перекрестье застыло на Скалистых горах.

– Источник находится здесь.

Дзюн прочитал географическое название, вспыхнувшее внизу экрана.

Юта.

– Как такое может быть? – выдавил он, не в силах поверить в этот невозможный результат.

Ему вспомнились его же собственные слова, сказанные совсем недавно доктору Купер, о том, что для порождения столь мощного всплеска количества обнаруженных нейтрино потребуются взрыв ста термоядерных бомб.

Танака пожал плечами, невозмутимо спокойный. Дзюн едва сдержал желание отвесить ему затрепину, чтобы получить хоть какую-то реакцию. Вместо этого он уставился на экран, на топографию горных хребтов. Его мысли были полностью заняты единственным вопросом:

«Черт побери, что там происходит?»

7

30 мая, 15 часов 52 минуты

Отдаленный район штата Юта

Лошадь неслась вниз по склону через лес из дугласовой пихты, ситхинской ели и широкохвойной скрученной сосны. Хэнк низко пригнулся к холке кобылы, уклоняясь от низко нависающих ветвей, и все равно колючие иглы хлестали и царапали его. Кай, которая сидела у него за спиной, крепко обхватив его за пояс, приходилось не слаще.

Он услышал резкий крик девушки, проникнутый болью, почувствовал, как она высоко подпрыгнула в седле, которое им приходилось делить на двоих, ощутил ее ужас по тому, как вцепились в его рубашку ее пальцы, как судорожно вырывается ее дыхание.

Хэнк отпустил поводья, доверяя Марии самой отыскивать дорогу и выбирать, куда поставить ноги. Он беспокоил кобылу лишь резкими натягиваниями узды, не позволяя ей покинуть защитный покров леса. Кауч не отставал: он следовал по кратчайшему пути между деревьями, припадая к земле.

Военный вертолет продолжал гнаться за ними, его двигатели оглушительно ревели над верхушками деревьев. Полог леса обеспечивал некоторое укрытие, однако Хэнк все больше убеждался в том, что охотники преследуют их, ориентируясь по инфракрасному датчику, улавливающему тепловое излучение тел.

Длинная очередь сшибла ветки и иголки с соседней ели. Острые щепки больно впились Хэнку в щеку. Охотники пристреливались, нащупывая цель. Не успел затихнуть грохот крупнокалиберных пулеметов, как за спиной у Хэнка послышался пронзительный крик:

– Профессор!

Рискнув, Кай отпустила одну руку и указала вперед.

Прямо у них на пути была обширная поляна, освещенная ярким солнечным светом. Она заросла травой, среди которой лишь тут и там торчали чахлые кусты можжевельника и обнаженные глыбы гранита. За поляной снова продолжался лес, но как до него добраться? На открытом месте охотники расправятся с ними без труда.

Словно почувствовав тревогу хозяина, Мария начала сбавлять шаг.

Безвыходную ситуацию заметил кое-кто еще. Лес позади снова разорвался треском крупнокалиберных пулеметов.

«Охотники стремятся выгнать нас из леса».

Не имея выбора, Хэнк вынужден был подчиниться. Он пустил лошадь галопом, что было совсем небезопасно в густом лесу. Свистнув, профессор подозвал Кауча, и они выскочили на солнечный свет. Покинув лес, Хэнк направился к ближайшей гранитной глыбе. Ему вдогонку устремились пулеметные очереди, выбивая в траве две параллельные линии.

Хэнк пустил Марию вокруг глыбы, словно это была бочка в родео. Кобыла резко развернулась, глубоко зарываясь копытами в рыхлую землю и траву. Хэнк отклонился в сторону, удерживая равновесие, но Кай разжала руки, застигнутая врасплох внезапным поворотом.

– Держись крепче! – заорал Хэнк.

Однако для преследователей этот маневр также явился полной неожиданностью.

Крупнокалиберные пули вышибли брызги камня из глыбы, укрывшей беглецов, и вертолет пронесся мимо цели. Винтокрылая машина заложила вираж, разворачиваясь, и снова устремилась на добычу.

Но Хэнк не стал останавливать Марию. Он направил лошадь прямо навстречу летящему на бреющем полете вертолету. Отпустив поводья, профессор выхватил из кобуры револьвер. Это был «рюгер» 45-го калибра, достаточно мощный, чтобы справиться с диким медведем, которые изредка встречались в этих краях. Хэнк не знал, будет ли расценен выстрел по верто-

лету Национальной гвардии как военные действия индейцев против правительства, однако не он начал первым. К тому же его целью было не убить, а только отвлечь внимание.

Мчась навстречу вертолету, Хэнк снова и снова нажимал на спусковой крючок, разряжая барабан. Он не видел причин сдерживаться. Несколько пуль даже нашли цель, оставив трещины на лобовом стекле.

Неожиданное нападение застигло охотников врасплох.

Вертолет вильнул вбок, пулеметные очереди оборвались, так как пулеметчиков отбросило в сторону. Хэнк ударил пятками по бокам кобылы и пустил ее вперед, поднырнув под брюхо вертолета. До винтокрылой машины было так близко, что Хэнк смог бы дотянуться рукой до лыжного шасси.

Он успел разглядеть одного пулеметчика, свисающего из открытого люка, – тот был с ног до головы в черном, как это любят бойцы спецназа. На мгновение они скрестили взгляды, затем Мария выскочила из-под вертолета. Рев двигателей и гул несущего винта напугали кобылу, и ей не требовалось дополнительной команды пуститься во весь опор.

Мария снова устремилась к лесу и через несколько секунд нырнула под его спасительную сень.

Кауч вбежал на опушку несколькими ярдами левее.

Протяжно завывая двигателями, вертолет опять взмыл вверх, развернулся и бросился за беглецами.

Эта игра в кошки-мышки не могла продолжаться бесконечно. До сих пор беглецам сопровождало везение, однако ниже по склону альпийский хвойный лес перейдет в открытые луга с редкими одиночными дубами. Вероятно, охотникам это также было известно. Вертолет несл следом. Нечего было и думать о том, чтобы дважды обмануть преследователей одной и той же уловкой. К тому же у Хэнка кончились патроны.

Его взгляд привлекла серебряная полоска, блеснувшая справа. По узкой расселине бежал берущий начало в ледниках горный ручей, вздувшийся от таяния снегов и дождей. Хэнк коленями направил лошадь к воде.

Как только они оказались на берегу, профессор пришпорил Марию. Лошадь тяжело плюхнулась в середину потока, поднимая брызги, однако дальше их пути должны были разойтись.

Хэнк бросил поводья, схватил Кай за руку и, увлекая ее за собой, скатился с седла вниз по течению. Другой рукой ему удалось хлопнуть кобылу по крупу, прощаясь с ней и в то же время пуская ее вперед. Лошадь выбралась на берег, а Хэнка и Кай понесла дальше ледяная вода. Рядом с ними барахтался Кауч. Бурлящий поток подхватил всех и потащил дальше. Хэнка затянуло под воду, и последним, что он услышал, был пронзительный крик девушки.

Отчаянно колотившая ногами Кай вырвалась на поверхность, чувствуя, как ее пятка наткнулась на что-то мягкое. Когда профессор стащил ее с седла, она опешила от неожиданности, но, как только ее атаковал холод, Кай испустила долгий крик, зажатый у нее в груди еще с момента взрыва, прогремевшего несколько часов назад.

И тотчас ей в рот хлынула вода.

Весь воздух из легких ушел на крик, и она начала задыхаться. Стремительный поток закружил ее, швыряя на склизкие камни. Ледяная вода забила в нос. Затем ее голова снова показалась над поверхностью. Девушка закашлялась и закричала. Чьи-то сильные руки подхватили ее и поволокли к берегу. Кай попыталась выбраться из ручья, однако те же самые руки рывком утащили ее обратно в воду.

– Оставайся здесь! – прошипел профессор Канош.

Он сам тоже наглотался воды, мокрые седые волосы облепили череп. Собака выбралась на валун, все еще оставаясь по грудь в потоке.

– Зачем? – спросила Кай, начиная клацать зубами от холода и ужаса.

Хэнк молча указал вверх.

Поискав глазами, девушка успела заметить вертолет, скрывшийся за гребнем на западе.

– Тепло человеческого тела, – объяснил профессор. – Вот почему за нами так эффективно следили в лесу, вот почему мы никак не могли оторваться от погони. Будем надеяться, преследователи погонятся за разгоряченной Марией в глубь леса.

Кай все поняла.

– А холодная вода ручья помогла нам спрятаться.

– Небольшой трюк. Какими бы мы были индейцами, если бы не смогли перехитрить охотника в лесу?

Несмотря на весь ужас положения, глаза профессора улыбались. Кай почувствовала, как от этого ей становится теплее.

– Пошли, – сказал Канош, помогая ей выбраться из ледяного ручья.

Его собака выбежала на берег и энергично встряхнулась, освобождая шерсть от воды.

Кай попыталась последовать ее примеру: помотала головой, затем потрясла куртку, чтобы изнутри ушел леденящий холод. Одна золотая пластина вывалилась из-за пазухи и упала на землю. Профессор Канош пристально посмотрел на нее, но даже не сделал попытки ее поднять. Кай сама подобрала пластину и убрала ее обратно за пазуху.

Профессор Канош указал вниз по склону.

– Нам нужно двигаться, чтобы согреться.

– Куда идти? – спросила Кай, все еще клацая зубами.

– Первым делом как можно дальше отсюда. Наша уловка обманет охотников только до тех пор, пока Мария не выбежит из леса. Увидев, что в седле у нее никого нет, они тотчас же вернутся назад, и нам нужно позаботиться о том, чтобы к тому времени нас уже и след простыл.

– А дальше что?

– Вернемся к цивилизации. Обратимся за помощью. Окружим себя со всех сторон людьми.

Он решительно направился вниз, следуя по едва различимой оленьей тропе, однако Кай прочитала у него на лице тревогу. Тут она вспомнила, что как раз разговаривала по телефону, когда Канош ее нашел. Дядя Пейнтер – большая шишка в Вашингтоне, занимается чем-то связанным с национальной безопасностью. Конечно, он не такой уж близкий родственник, но все же наполовину дядя с отцовской стороны. Кай виделась с ним лишь несколько раз, последний – на похоронах своего отца. Однако все племя пеко было одной большой семьей. Все были связаны между собой родственными отношениями. У Кай была целая тысяча дядьев и теток. И все знали, что, если с тобой случилась большая неприятность, звонок дяде Кроу поможет уладить дело.

– Я знаю, кто нам сумеет помочь, – сказала девушка.

Не сбавляя шага, она сунула руку в карман джинсов и достала сотовый телефон. После купания в горном ручье из маленького аппарата вытекала вода. Включить его так и не получилось. Нахмурившись, Кай убрала телефон в карман. Впрочем, ей все равно вряд ли удалось бы поймать здесь сигнал. В прошлый раз, выше в горах, ей просто повезло.

Профессор Канош заметил ее бесплодную попытку.

– Ладно, в таком случае первым делом в повестке дня значится телефон, откуда можно будет позвонить, прежде чем охотники снова выйдут на наш след. Даже если для этого придется отдаться в руки полиции штата или Национальной гвардии.

Кай остановилась как вкопанная.

– Но ведь именно они пытались нас убить.

– Нет. Я успел разглядеть их форму. Это определенно солдаты, но они не из Национальной гвардии.

– Тогда кто?

– Быть может, сотрудники какого-то правительственного ведомства или группа наемников, выполняющих выгодный заказ. Как бы то ни было, одно можно сказать точно.

– И что же?

Следующие слова Каноша окатили девушку ледяным холодом, с которым не могло сравниться даже купание в горном ручье.

– Кто бы это ни был, они хотят тебя убить.

8

30 мая, 21 час 18 минут

Солт-Лейк-Сити, штат Юта

– Она хотя бы оставила свой номер? – спросил Пейнтер, забираясь на правое переднее сиденье «шевроле тахо» с правительственными номерами.

Джип стоял на бетонной дорожке рядом с частным «Гольфстримом», на котором они прилетели из Вашингтона.

Ковальски уже устроился за рулем, полностью отодвинув сиденье назад, чтобы разместить свою крупную фигуру. Чун, третий член группы, пересел в вертолет Национальной гвардии, которому предстояло вылететь на место взрыва в Скалистых горах. Однако самому Пейнтеру, прежде чем полностью посвятить себя загадочному взрыву, нужно было решить другую проблему.

Голос Кэт, пришедший по закрытой линии связи, звучал с металлическим дребезгом.

– Это все, чего мне удалось добиться от вашей племянницы. Судя по голосу, она перепугана до смерти. И ей кажется, что вокруг одни враги. Она говорила по одноразовому телефону, но оставила номер своего мобильного и попросила, чтобы вы перезвонили ей, как только приземлитесь.

– Давай номер.

Кэт продиктовала номер. У нее были и другие новости.

– Также поступило донесение от командера Пирса. – По ее мрачному тону Пейнтер догадался, что новости эти не из приятных. – Он встретился с Сейхан.

Пейнтер стиснул телефон.

– Она вернулась в Штаты?

– Похоже на то.

Закрыв глаза, Пейнтер вздохнул. Он даже не догадывался о том, что Сейхан снова на американской земле. Впрочем, тут нет ничего удивительного, если вспомнить ее опыт и связи. И все же внезапное появление Сейхан позволяло предположить, что происходит что-то серьезное.

– Что случилось?

– Сейхан утверждает, у нее есть ниточка, ведущая к «Эшелону».

– Какая еще ниточка?

Пейнтер выпрямился на сиденье. Ковальски держал двигатель на холостых оборотах. Кодовое название «Эшелон» применялось для обозначения главарей тайной террористической организации, известной как Гильдия. Пейнтер уже начинал жалеть о том, что покинул Вашингтон.

– Грей не сообщил никаких подробностей. Сказал лишь, что Сейхан нужна его помощь, чтобы получить доступ к Государственному архиву. Сегодня вечером они встречаются с куратором архива.

Пейнтер задумчиво наморщил лоб. Что понадобилось Сейхан в Государственном архиве? В этом архиве собраны все важные рукописи и документы, связанные с историей Америки. Какое отношение это может иметь к Гильдии? Пейнтер взглянул на часы. Времени было половина десятого вечера, то есть в Вашингтоне уже за полночь. Поздновато для встречи с сотрудниками архива.

– Грей обещал перезвонить, как только у него что-нибудь появится. Я буду держать вас в курсе.

– Обязательно. Я посмотрю, можно ли будет уладить это дело с моей племянницей, и завтра утром вернусь в Вашингтон. А до тех пор обороняй крепость.

Кэт закончила разговор, и Пейнтер набрал номер, который запомнил наизусть. После первого же гудка ему ответил торопливый шепот:

– Дядя Пейнтер?

– Кай, ты где?

Молчание затянулось. Пейнтер услышал на заднем плане мужской голос, призывающий Кай ответить.

И все же, когда девушка заговорила, ее слова звучали на грани слез и ужаса:

– Я... мы в Прово. В студенческом городке Университета Бригема Янга. В кабинете профессора Генри Каноша.

Пейнтер прищурился. Почему это имя показалось ему знакомым? И тут он вспомнил доклад, который прочитал по дороге из Вашингтона в Солт-Лейк-Сити, предварительный отчет о событиях в горах. Профессор Канош был близким другом женщины-антрополога, погибшей при взрыве.

Кай, все еще объятая ужасом, продиктовала адрес студенческого городка.

Пейнтер как мог постарался ее успокоить:

– Я буду в Прово через час. – Он знаком показал Ковальски, что нужно выезжать из аэропорта. – Никуда не уходи, пока я не приеду.

В телефоне зазвучал новый голос:

– Мистер Кроу, говорит Хэнк Канош. Вы меня не знаете.

– Вы коллега Маргарет Грантхем. Вы находились на месте взрыва.

Пейнтер поднял с пола чемоданчик и положил его на колени. У него уже имелось предварительное досье на профессора Каноша, как и на многих других, ставших свидетелями взрыва.

Молчание красноречиво показало, что профессор удивлен его осведомленностью, однако дрогнувший голос позволил предположить, что дело не только в удивлении.

– Мэгги... она предпочитала, чтобы ее звали Мэгги.

Голос Пейнтера стал мягче.

– Я разделяю горечь вашей утраты.

– Я вам благодарен, но вы должны знать, что мы с вашей племянницей подверглись нападению, когда спускались с гор. По нам открыл огонь вертолет с опознавательными знаками Национальной гвардии.

– Что?

В докладе Кэт не было ни слова о том, что предполагаемая террористка была обнаружена и уж тем более что кто-то в нее стрелял.

– Но по-моему, на самом деле это была не Национальная гвардия. Эти люди больше напоминали наемников, быть может, охотников за наградой, раздобывших вертолет Национальной гвардии.

Однако Пейнтер не удовлетворился этим объяснением, особенно потому, что о факте обнаружения и стрельбы не было сообщено по официальным каналам. Кто-то другой предпринял попытку задержать или устранить предполагаемую террористку. И это породило новые опасения.

– Профессор Канош, могли ли эти охотники вас опознать?

В голосе Каноша прозвучала неуверенность.

– Я... я так не думаю. Мы в основном скрывались под пологом леса, и я был в шляпе. Но если меня узнали, вы полагаете, нас могут искать здесь? Я об этом не подумал.

– И это совершенно естественно. – «Мания преследования является неотъемлемой составляющей моего ремесла». – Но в качестве дополнительной меры предосторожности не могли бы вы с Кай перебраться в какое-нибудь другое место, не связанное напрямую с вами?

Пейнтер буквально услышал, как в голове у профессора работают шестеренки.

– Я как раз собирался кое-что проверить на кафедре естественных наук, это по соседству, – наконец сказал Канош. – Мы могли бы встретиться там.

– Это было бы просто замечательно.

Получив всю необходимую информацию, Пейнтер окончил разговор. Ковальски уже выехал из аэропорта и направился на юг, в сторону автостреды I-15.

– До Прово ехать еще миль сорок, – заметил великан, жуя огрызок незажженной сигары. Пейнтер прочитал по навигатору ожидаемое время прибытия в конечный пункт.

– Пятьдесят две минуты, – вполголоса пробормотал он.

Оглянувшись на босса, Ковальски выразительно закатил глаза.

– Если нужно, я доеду за сорок две минуты.

Прибавив газу, он вопросительно поднял брови.

Пейнтер поглубже уселся в кресло, с тревогой думая о том, что охотники, возможно, уже вышли на след Кай и профессора.

– Как насчет того, чтобы уложиться в тридцать две минуты?

Хитро усмехнувшись, Ковальски утопил педаль в пол.

– Люблю решать сложные задачи.

Джип резко набрал скорость, и Пейнтера вдавило в спинку сиденья. Хотя ему следовало бы беспокоиться о том, что стрелка спидометра подобралась к отметке сто миль в час, он испытывал облегчение оттого, что приехал в Юту. Это было подтверждением того, что его инстинкты не протухли за время нахождения в подземелье под Смитсоновским институтом.

Здесь назревало что-то крупное.

И возможно, не только здесь.

Пейнтер вспомнил разговор по телефону с Кэт, доложившей о внезапном появлении Сейхан, которая предположительно нашла ниточку, ведущую к истинным главарям Гильдии. Любая информация, просачивавшаяся из этой тайной организации, представляла огромную ценность. Требовалось нечто из ряда вон выходящее, чтобы эти люди ослабили бдительность.

Например, вот такой таинственный взрыв.

Конечно, Пейнтер мог ошибаться, но он не верил в случайные совпадения. И если он прав, то ему повезло: на Восточном побережье новую ниточку будет распутывать один из его лучших людей. Несмотря на поздний час, Грей уже должен был приняться за дело.

Разумеется, если ему удастся полностью сосредоточиться на работе.

9

30 мая, 23 часа 48 минут

Вашингтон, округ Колумбия

Грей проследовал за Сейхан к величественной колоннаде на фасаде здания Государственного архива. Ночь выдалась прохладной – последнее дуновение зимы перед тем, как начнется душное, влажное вашингтонское лето. В этот поздний час машин на улицах почти не было.

После внезапного появления Сейхан у него дома Грей надел черные брюки, высокие ботинки на шнуровке и футболку с длинным рукавом армейского образца, а также шерстяное пальто по колено. Сейхан, похоже, оставалась бесчувственной к холоду: ее мотоциклетная куртка по-прежнему была расстегнута, открывая тонкую алую блузку с вырезом, под которой виднелся кружевной бюстгальтер. Кожаные штаны обтягивали изгибы тела молодой женщины, однако в ее поведении не было никакого кокетства. Во всех ее движениях сквозила напряженная деловитость. Ее взгляд замечал малейшее колебание ветки, согнутой ветром. Она была подобна рояльной струне, натянутой до предела и готовой вот-вот оборваться. Впрочем, все это было необходимо ей для того, чтобы оставаться в живых.

Они направились к служебному входу в архив со стороны Пенсильвания-авеню. Этот вход выглядел совсем непримечательным по сравнению с огромными бронзовыми дверями главного входа в противоположном конце здания. Тот подъезд вел к центральной ротонде архива, залу, в котором были выставлены оригиналы Декларации независимости, Конституции и Билля о правах, заключенные в стеклянные капсулы, заполненные гелием.

Однако в этот полуночный визит Грея и Сейхан интересовали другие документы. В архиве содержалось свыше десяти миллиардов записей, охватывающих всю американскую историю, четко систематизированных, собранных на девятистах тысячах квадратных футов хранилища. Грей понимал, что без помощи им нужный документ не найти.

Когда они приблизились к входу, дверь перед ними распахнулась. Грей напрягся, но тут на пороге показался худощавый человек и махнул им рукой. Он сердито хмурился. Доктор Эрик Хейсман был одним из кураторов архива и отвечал за историю Америки колониальной эпохи.

– Ваш коллега уже внутри, – вместо приветствия сказал куратор.

У него были белоснежные волосы до плеч и ухоженная эспаньолка. Открывая перед ночными гостями дверь, он нервно тербил очки, висящие на цепочке на шее. Он явно не обрадовался тому, что его вызвали из дома в столь поздний час. Предупрежденный в самую последнюю минуту, куратор был в будничных джинсах и свитере.

Грей обратил внимание на вышитую на свитере эмблему футбольного клуба «Вашингтонские краснокожие» – профиль индейца в головном уборе из перьев. Сейчас этот символ показался ему знаковым, учитывая то, зачем они сюда пришли. Специализацией доктора Хейсмана были отношения молодых американских колоний и коренного населения, встретившего переселенцев в Новом Свете. Как раз такие знания и требовались Грею в его расследовании.

– Прошу за мной, – сказал Хейсман. – Я подготовил комнату рядом с главным хранилищем. Мой помощник принесет любые документы, какие вам понадобятся.

Пройдя в фойе, он обернулся к своим спутникам.

– Все это выходит за рамки установленного порядка. Даже сотрудники Верховного суда запрашивают материалы только в часы работы архива. Было бы гораздо проще, если бы вы сообщили мне о конкретном характере ваших исследований.

Похоже, куратор готов был и дальше отчитывать ночных посетителей, но тут его взгляд случайно остановился на лице Сейхан. То, что он увидел, заставило его умолкнуть и поспешно отвернуться.

Грей посмотрел на молодую женщину. Встретившись с его взглядом, та подняла бровь – воплощение самой невинности. Когда Сейхан отвернулась, Грей заметил у нее под правым ухом небольшой шрам, наполовину прикрытый прядью черных волос. Определенно, шрам был свежий. Куда бы ни завело Сейхан расследование деятельности Гильдии, несомненно, путь этот оказался очень трудным.

Пройдя следом за куратором по лабиринту коридоров, они добрались до маленькой комнаты с большим столом для совещаний посередине и устройствами для чтения микропленок вдоль стены. Там их уже ждали двое. Одной была молодая женщина студенческого возраста с безукоризненной кожей цвета черного дерева. Казалось, она сошла со страниц журнала мод. Прямое черное платье, обтягивающее ее фигуру, только усиливало это впечатление. Идеальная косметика на лице позволяла предположить, что девушка не прохлаждалась дома, когда ее внезапно вызвали на работу.

– Моя помощница Шарин Дюпре. Она свободно говорит на пяти языках, но родным для нее является французский.

– Рада с вами познакомиться, – сказала Шарин.

У нее был низкий бархатный голос, приправленный легким арабским акцентом.

Грей пожал ей руку. «Уроженка Алжира», – заключил он по ее певучему произношению. Хотя эта североафриканская страна стряхнула иго французских колонизаторов еще в начале шестидесятых годов двадцатого века, французский язык по-прежнему оставался широко распространенным среди ее населения.

– Извините, что заставили вас ждать, – сказал Грей.

– Да ничего страшного, – послышался грубоватый ответ с противоположного конца стола. Второй из ожидающих был хорошо знаком Грею. Монк Коккалис, одетый в тренировочный костюм и бейсболку, сидел, положив ноги на стол. Его лицо ярко сияло в свете люминесцентных ламп. Он кивнул на стройную помощницу куратора. – Особенно если учесть, в каком приятном обществе я здесь находился.

Девушка чуть склонила голову, и у нее на лице мелькнула тень улыбки.

Монк прибыл в архив раньше своего коллеги, что и неудивительно, ведь центральное управление «Сигмы» располагалось совсем неподалеку отсюда. Кэт настояла на том, что ее муж должен присоединиться к Грею. Но Грей подозревал, что это поручение обусловлено скорее стремлением убрать Монка подальше, чтобы он не путался под ногами, чем желанием обеспечить прикрытие исследователям.

Все уселись за стол, кроме доктора Хейсмана, который остался стоять, сплетя руки за спиной.

– Быть может, теперь вы наконец объясните, почему нас созвали сюда в этот поздний час?

Грей открыл конверт из плотной бумаги, достал оттуда письмо, написанное по-французски, и протянул его Шарин. Но прежде чем та смогла его взять, Хейсман поспешно наклонился и схватил письмо, одновременно другой рукой водружая очки на место.

– Что это? – спросил куратор, проглядывая страницы. Судя по всему, он не владел французским, однако у него округлились глаза, когда он дошел до подписи под письмом. – Бенджамин Франклин. – Хейсман взглянул на Грея. – Похоже, это его собственноручная подпись.

– Да, это уже установлено, и письмо переведено...

Куратор не дал ему договорить.

– Но это же ксерокопия. Где оригинал?

– Это не имеет значения.

– Для меня имеет! – выпалил Хейсман. – Я прочитал все, написанное рукой Франклина. Но ничего подобного я не видел. Взять хотя бы эти рисунки...

Бросив страницу на стол, он ткнул пальцем в один из набросков.

На рисунке был изображен белоголовый орлан с распростертыми крыльями, сжимающий в одной лапе оливковую ветвь, а в другой – пучок стрел. Очевидно, это был всего лишь эскиз.

К отдельным элементам изображения были сделаны подписи неразборчивыми каракулями.

– Похоже на один из первых эскизов Большой печати Соединенных Штатов. Но это письмо датируется тысяча семьсот семьдесят восьмым годом, то есть оно должно быть написано за несколько лет до того, как впервые был обнаружен эскиз Большой печати. Несомненно, речь идет о подделке.

– Нет, это не так, – решительно возразил Грей.

– Позвольте мне... – Шарин осторожно забрала страницы. – Вы сказали, что письмо уже переведено, но я с радостью удостоверю правильность работы.

– Буду вам очень признателен, – сказал Грей.

Хейсман принялся расхаживать вокруг стола.

– Насколько я понимаю, именно содержание этого письма явилось причиной нашей ночной встречи. Быть может, вы объясните, почему то, чей возраст больше двух столетий, не могло подождать до утра?

Впервые заговорила Сейхан. Ее голос прозвучал тихо, но в нем сквозила холодная угроза:

– Потому что ради этих страниц была пролита кровь.

Ее слова мгновенно отрезвили Хейсмана, и он сел за стол.

– Замечательно. Расскажите мне об этом письме.

– Оно из переписки Франклина с одним французским ученым. Человеком по имени Аршар Фортескью. Он входил в группу ученых, объединенных Франклином. Американское общество распространения полезных знаний.

– Да, мне знакомо это общество, – кивнул Хейсман. – Оно входило в состав Американского философского общества, но занималось более конкретной задачей сбора свежих научных идей. Наиболее известны археологические исследования памятников американских индейцев, проведенные этим обществом. В конце концов его члены стали буквально одержимы всем этим. Они раскапывали индейские могилы и погребальные курганы по всем территориям колоний.

Заговорила сидящая рядом Шарин:

– Похоже, именно этому и посвящено письмо. В нем просьба к этому французскому ученому помочь Франклину снарядить экспедицию в Кентукки. – Наморщив лоб, она перевела: – «...Обнаружить и исследовать индейский погребальный курган в форме змеи, найти зарытую в нем угрозу Америке».

Девушка оторвалась от письма.

– Похоже, проблема требовала безотлагательного решения.

В доказательство своих слов она провела пальцем по странице, переводя вслух:

– «Мой Дорогой Друг, с прискорбием извещаю Вас о том, что наши надежды на четырнадцатую колонию – Дьявольскую колонию – разбиты. Шаманы союза ирокезов, направлявшиеся на встречу с губернатором Джефферсоном, попали в засаду и были подло перебиты. С их смертью все те, кто обладал знаниями о “великом эликсире” и “бледных индейцах”, перешли в руки Судьбы. Но один шаман, погребенный под грудой трупов, остался жив и перед смертью успел сказать несколько слов, в которых теперь наша единственная надежда. Он рассказал о карте, укрытой внутри черепа рогатого демона, завернутого в разрисованную бизонью шкуру. Череп спрятан в погребальном кургане, священном для племен, живущих в Кентукки. Быть может, рассказы о демонах и утерянных картах были плодом умирающего рассудка, однако мы не можем рисковать. Для нас жизненно необходимо получить эту карту до того, как ее захватит наш Враг. На этом фронте нам удалось обнаружить одну ниточку, ведущую к силам, которые стремятся разбить вдребезги наш молодой союз. Это символ, обозначающий наших врагов».

Девушка повернула страницу так, чтобы стало видно всем. На рисунке был изображен циркуль, установленный на строительном угольнике, а внутри крошечный полумесяц и пятиконечная звездочка.

Шарин подняла голову.

– Похоже на эмблему масонов, но такого варианта – со звездой и полумесяцем – я никогда не видела. А вы?

Грей молчал, наблюдая за тем, как доктор Хейсман изучает изображение. Наконец куратор медленно покачал головой.

– Франклин сам был масоном. Он не стал бы порочить свой собственный орден. Нет, вероятно, это что-то совершенно другое.

Монк склонился над рисунком. Хотя его лицо оставалось непроницаемым, по тому, как у него раздулись ноздри, Грей понял, что он учуял что-то скверное. Несомненно, Монк тоже узнал эмблему руководства Гильдии. Он посмотрел на напарника, и в его глазах тот прочел один-единственный вопрос: «Как этот символ оказался в письме Бенджамина Франклина какому-то французскому ученому?»

Грей и сам хотел бы получить ответ на этот вопрос.

Монк озвучил еще одну загадку:

– А почему старина Бен просит помочь с поисками какого-то француза? Несомненно, у него под рукой были люди, способные возглавить подобную экспедицию в глушь Кентукки.

Сейхан предложила объяснение:

– Возможно, Франклин не доверял своему окружению. Этот таинственный враг, о котором он упоминает в письме... Не исключено, что враги могли проникнуть в правительство.

– Возможно, – согласился Хейсман. – Но Франция была нашей союзницей в войне за независимость, и Франклин провел много времени в Париже. Что гораздо важнее, у французских колонистов сложились тесные связи с коренным населением, когда канадские колонисты сражались плечом к плечу с местными индейцами против английских войск. Если Франклину потребовался человек, чтобы изучить вопрос, очень деликатный для индейцев, неудивительно, что он обратился к французу.

– Похоже, письмо это подтверждает, – сказала Шарин. Она перевела еще несколько строчек: – «Аршар, вы были доверенным лицом и близким другом покойного вождя Канасatego (чья смерть от яда, по моему глубокому убеждению, дело рук того же самого коварного Врага), и посему я не могу найти никого, кто был бы более достоин возглавить эти жизненно важные поиски. Нельзя допустить, чтобы вас постигла неудача».

Несмотря на эти слова, Грей заподозрил, что в действительности ответ на вопрос Монка является сочетанием обеих версий. Судя по зловещему тону письма, Франклин очень опасался чего-то и потому обращался за помощью к человеку, которому доверял и у которого были тесные связи с местными племенами.

– А кто такой этот Канасatego? – спросил Монк, зевая и прикрывая кулаком рот, однако пронизательный блеск его глаз подсказал Грею, что этот зевок притворный.

Грей догадался, чем вызван интерес Монка. В письме подразумевалось, что таинственный враг Франклина расправился с этим индейским вождем, а если нарисованная эмблема не просто случайное совпадение, то возможно, что это тот самый враг, с которым вот уже много лет ведет борьбу «Сигма». Это казалось невозможным, но чем еще объяснить тот факт, что Гильдия завладела именно этим письмом, в котором содержится ее знак, и надежно его спрята-
тала?

Хейсман шумно вздохнул, избавляясь от налета холодной официальности.

– Вождь Канасatego, – начал он, и в его голосе прозвучала теплота, с какой говорят о близком друге, – это историческая личность, о которой известно немногим, однако он сыграл ключевую роль в образовании Америки. Некоторые считают его забытым отцом-основателем.

– Доктор Хейсман подробно исследовал жизнь этого ирокезского вождя, – с гордостью объяснила Шарин. – Именно его диссертация подтолкнула Конгресс принять резолюцию относительно той роли, которую сыграли индейцы в образовании вашей страны.

Хейсман смущенно отмахнулся от похвалы, однако у него порозовели щеки, и он расправил плечи.

– Это поразительная фигура. Канасатого был самым великим и самым влиятельным индейским вождем своего времени. Если бы он не погиб таким молодым, трудно сказать, каким бы стало наше государство, особенно в том, что касается отношений с индейцами.

Грей откинулся на спинку стула.

– И он был убит, как говорится в письме?

Кивнув, Хейсман наконец снова сел на место.

– Он был отравлен. Историки до сих пор спорят о том, кто его убил. Одни говорят, что это было делом рук британских шпионов. Другие утверждают, что это сделали его же соплеменники.

– Похоже, у старины Бена на этот счет была собственная теория, – добавил Монк.

Хейсман жадно уставился на письмо.

– Очень любопытно.

Грей подумал, что теперь без труда убедит куратора помочь им в поисках. Недовольство и раздражительность Хейсмана полностью улетучились, остался только жадный интерес.

– Почему же этот ирокезский вождь был так важен? – спросил Монк.

Взяв ксерокопию письма, Хейсман указал на грубое изображение белоголового орлана с распростертыми крыльями и постучал пальцем по пучку стрел.

– Вот почему. – Куратор обвел взглядом сидящих за столом. – Известно ли вам, почему орлан на Большой печати Соединенных Штатов сжимает в лапе пучок стрел?

Пожав плечами, Грей придвинул рисунок ближе.

– Оливковая ветвь в одной лапе олицетворяет мир, а стрелы в другой олицетворяют войну.

Лицо куратора растянулось в кривой усмешке – впервые за все время.

– Это распространенное заблуждение. Однако за пучком из тринадцати стрел стоит своя история, связанная с историей вождя Канасатого.

Грей решил не перебивать Хейсмана, рассудив, что лучше дать ему выговориться.

– Канасатого был вождем племени онондага, одного из шести индейских племен, объединившихся в лигу ирокезов. Этот уникальный союз племен к тому времени насчитывал уже несколько столетий – он был образован еще в начале шестнадцатого века, задолго до основания США. После многих поколений кровопролитных войн отчаявшиеся племена наконец согласились объединиться ради общего блага, и наступил мир. Племена создали демократическую и эгалитарную систему правления, в которой представители каждого племени имели голос. Ничего подобного в ту пору на земле не было, союз разработал свои законы и собственную конституцию.

– Что-то мне это чертовски напоминает, – пробормотал Монк.

– И это действительно так. Вождь Канасатого встретился с колонистами в тысяча семьсот сорок четвертом году и представил им ирокезскую лигу как пример, которому им надлежит следовать, призвал их объединиться ради общего блага. – Хейсман обвел взглядом присутствующих. – Бенджамин Франклин присутствовал на той встрече и рассказал о ней тем, кто через какое-то время начал разрабатывать нашу конституцию. Один из делегатов конституционного собрания, Джон Ратледж от Южной Каролины, даже привел выдержки из ирокезского закона своим братьям, зачитав их прямо из свода законов племен, начинавшегося словами: «Мы, народ, образуя союз, провозглашаем мир, равенство и порядок...»

– Подождите, – встрепнулся Монк. – Да ведь это же слово в слово преамбула Конституции Соединенных Штатов. Вы хотите сказать, что мы создали наш основополагающий документ по образу и подобию каких-то древних индейских законов?

– Это утверждаю не только я, но и Конгресс Соединенных Штатов. Резолюция номер триста тридцать один, принятая в октябре тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, признает влияние ирокезской конституции на нашу собственную конституцию и на Билль о правах. Хотя идут споры о степени этого влияния, отрицать факты нельзя. Наши отцы-основатели даже увековечили признательность ирокезам в государственном гербе.

– Каким образом? – спросил Грей.

Хейсман снова постучал пальцем по рисунку.

– На встрече в тысяча семьсот сорок четвертом году вождь Канасatego подошел к Бенджамину Франклину и преподнес ему дар – одну оперенную стрелу. Когда Франклин выразил недоумение, Канасatego забрал у него стрелу, сломал ее о колено и бросил обломки на пол. Затем он вручил Франклину пучок из тринадцати стрел, связанных вместе кожаным ремнем. Канасatego попробовал сломать пучок о колено, как и в первый раз, однако сломать стрелы, связанные воедино, оказалось невозможно. После чего вождь преподнес пучок Франклину, и смысл этого подарка стал ясен всем. Для того чтобы выжить и быть сильными, тринадцати колониям требовалось объединиться: только в этом случае новое государство нельзя будет сломать. Орел на Большой печати держит в лапе тот же самый пучок из тринадцати стрел – это вечная, хотя и скрытая благодарность вождю Канасatego за его мудрые слова.

Пока Хейсман рассказывал эту историю, Грей изучал рисунок в письме. Ему не давало покоя ощущение, что тут что-то не так. Изображение было грубым, с загадочными примечаниями по бокам и внизу, но, присмотревшись внимательнее, Грей понял, что же обеспокоило его в этом раннем варианте Большой печати.

– На рисунке четырнадцать стрел, – сказал он.

Хейсман склонился над письмом.

– Что?

Грей указал.

– Сосчитайте сами. Орел сжимает в когтях четырнадцать стрел, а не тринадцать.

Остальные встали и сгруппировались вокруг рисунка.

– Он прав, – подтвердила Шарин.

– Разумеется, это лишь набросок, – сказал Хейсман. – Приблизительное изображение того, что должно быть.

Сейхан скрестила руки на груди.

– А может быть, и нет. Разве Франклин в своем письме не упоминал какую-то четырнадцатую колонию? Что он имел в виду?

Чем дольше Грей всматривался в орла, тем больше крепла у него одна мысль.

– В письме также намекается на тайную встречу Томаса Джефферсона с вождями ирокезского союза. – Он перевел взгляд на Хейсмана. – А что, если Джефферсон и Франклин собирались образовать еще одну колонию, четырнадцатую, из коренных жителей Америки, индейцев?

– Дьявольскую колонию, – сказал Монк, используя слово, которое употребил в своем письме Франклин. – Как в выражении «красные дьяволы».

Грей кивнул:

– Быть может, лишняя стрела на этом раннем наброске изображает колонию, которая так и не состоялась.

Хейсман задумался над этой возможностью, и у него остекленели глаза.

– Если так, возможно, это самый важный исторический документ, обнаруженный за последние десятилетия. Но почему нет никаких других свидетельств, подтверждающих этот факт?

Грей постарался встать на позиции Франклина и Джефферсона.

– Потому что они потерпели неудачу и что-то напугало их так, что они стерли все упоминания об этом, оставив лишь несколько мелочей.

– Но если вы правы, что они скрывали?

Грей покачал головой.

– Возможно, ответы или хотя бы ключ к истине лежит в переписке Франклина и Форте-скью. Нам нужно начать поиски...

Ему не дал договорить звонок сотового телефона. В тишине комнаты этот звук прозвучал особенно громко. Достав телефон из кармана пальто, Грей взглянул на исходящий номер и вздохнул.

– Я должен ответить.

Он встал из-за стола и отошел в сторону. Нажав кнопку соединения, Грей услышал в телефоне возбужденный голос матери, сбивчивый, дрожащий, полный страха.

– Грей, я... мне нужна твоя помощь!

На заднем плане что-то загрохотало, после чего раздался дикий рев.

И связь оборвалась.

10

30 мая, 20 часов 01 минута

Горный район в резервации Юинта

Штат Юта

Майор Эшли Райан охранял врата в ад.

В пятидесяти ярдах от его командного пункта продолжало глухо ворчать место сегодняшнего взрыва, изрыгая фонтанчики кипящей воды и пузырьки булькающей жидкой грязи. Пар превращал воронку в обжигающую серную баню. Всего за полдня зона взрыва увеличилась вдвое, пожирая окрестные горные породы. На закате от ближайшей скалы откололся огромный кусок, словно айсберг, порожденный сползающим к морю ледником. Каменная глыба с грохотом провалилась в расширяющийся провал. С наступлением ночи тучи, затянувшие небо, скрыли луну и звезды, и долина погрузилась в непроницаемый мрак, подобный тому, что царит внутри пещеры.

И вот теперь в центре жерла появилось тревожное красноватое свечение.

То таинственное, что произошло под землей, еще не закончилось.

Вследствие того, что место взрыва, оставаясь в нестабильном состоянии, представляло опасность, солдаты Национальной гвардии очистили окрестности от всех посторонних, оцепили долину в радиусе трех миль и организовали патрулирование пешими нарядами при поддержке двух военных вертолетов, кружащих над головой. Майор Райан оставил внизу, на дне долины небольшую группу солдат, имеющих опыт борьбы с лесными пожарами. Все они облачились в желтые огнезащитные костюмы «Номекс» и имели при себе пожарные каски и кислородные маски на тот случай, если здесь станет трудно дышать.

Райан недоверчиво смотрел на новоприбывшего, надевавшего такое же снаряжение.

– Вы полагаете, что сможете сказать, что здесь происходит? – спросил он.

Геолог, торопливо представившийся Рональдом Чуном, выпрямился, держа в руке каску.

– Именно для этого я здесь.

Райан скептически смерил ученого взглядом. Чун прилетел сюда пятнадцать минут назад на вертолете. Его прислали из Вашингтона. Хотя Райан не питал уважения к столичным бюрократам, сующим нос не в свое дело, он сразу же почувствовал, что Чун не просто геолог. По уверенным, решительным манерам и бритой наголо голове Райан заключил, что у ученого за плечами армейское прошлое. Спустившись к зияющему провалу, геолог из Вашингтона осмотрел место долгим пристальным взглядом и тотчас же начал надевать пожарное снаряжение, не дожидаясь рекомендации майора.

– Я пойду один, – предупредил Чун, поднимая с земли железный ящик с инструментом.

– Об этом не может быть и речи. Пока вы здесь, я за вас отвечаю. – Райан получил приказ оказывать геологу всяческое содействие, однако командовал здесь по-прежнему он. Майор махнул, подзывая одного из своих людей. – Мы с рядовым Беллами проводим вас до места и обратно.

Чун кивнул, соглашаясь без спора, и майор зауважал его еще больше.

– Тогда пошли.

Включив светодиодный фонарик, закрепленный на плече, Райан двинулся первым. Остальные последовали за ним, словно спелеологи, собирающиеся исследовать неизвестную пещеру.

По мере того как они углублялись в темный лес, воздух с каждым шагом становился все горячее, обжигая сернистыми испарениями. Все трое быстро надели каски и кислородные маски. Пар конденсировался на плексигласовых забралах, мешая смотреть вперед. Воздух из баллона оставлял во рту Райана металлический привкус, а может быть, все дело было в страхе,

охватившем его. Выйдя на опушку леса, Райан остановил свой маленький отряд. Он даже не представлял себе, насколько ухудшилась ситуация в зоне взрыва.

Впереди на дне долины образовался провал. Эта впадина приблизительно круглой формы, ярдов тридцати в поперечнике, слева уходила глубоко под основание скалы. Ближний каменистый край продолжал крошиться в щебень и крупный песок, медленно осыпаясь в провал. Дальше от края воронка уходила вниз, заполненная каменной пылью, и в самой середине отвесно обрывалась в глубокую дыру, откуда валил пар.

В этом черном горле бурлила кипящая вода, подсвеченная подземным пламенем. Земля под ногами содрогнулась, и в ночное небо с зычным ревом вырвался гейзер перегретой воды и пара. Все трое с опаской попятились назад.

Как только фонтан иссяк, Чун шагнул вперед, остановившись где-то в ярде от кратера.

– Несомненно, взрыв пробил дыру до геотермического пласта у нас под ногами, – сказал он. Под кислородной маской его голос прозвучал глухо. – Весь этот регион покоится на вулкане.

Райан и Беллами тоже приблизились к воронке.

– Будьте осторожны. Край может обвалиться.

Кивнув, Чун осторожно шагнул к самой кромке, опустил на корточки и раскрыл свой ящик. Внутри были аккуратно разложены всевозможные приборы и химические реактивы, а также геологические молотки, контейнеры, кисточки и кирки.

– Мне нужны образцы горных пород и осадочных отложений, – объяснил геолог, готовя инструмент. – Начиная с периферии и дальше к центру. – Достав молоток и зубило, он протянул их. – Если бы вы откололи кусок гранита у самого края, это ускорило бы дело.

Райан жестом приказал Беллами выполнить просьбу ученого.

– Зачем вам нужен кусок камня?

– Чтобы использовать его в качестве эталона местных скальных пород, с которым можно будет сравнить образцы из зоны взрыва.

Захватив инструменты и маленький пакет для образцов, Беллами отошел на несколько ярдов и принялся за работу. Молодой чернокожий парень играл защитником за футбольную команду Университета штата Юта, однако серьезная травма колена оставила его не у дел. Поскольку ему приходилось заботиться о жене и маленькой дочке, он бросил университет и поступил в Национальную гвардию. Беллами показал себя хорошим солдатом, умеющим работать быстро и аккуратно.

Чун закрепил стеклянную колбу на конце телескопического алюминиевого шеста. Наклонившись, он протянул шест и зачерпнул образец крупнозернистого песка у самого края.

Пока геолог работал, Райан разглядывал провал. Ближе к середине обломки становились все мельче, превращаясь в самом центре в тончайший порошок, который закручивался надобие песчинок в песочных часах, устремляясь по спирали вниз и исчезая в горловине зияющего отверстия, откуда поднимался пар.

Услышав сдавленное ругательство, майор обернулся к Чуну. Геолог держал шест над воронкой. Ему удалось зачерпнуть образец горячего песка в стеклянную колбу. Но поверхность сосуда сразу же покрылась паутиной трещинок.

Неужели стекло разрушилось от жара?

На глазах у Райана дно колбы отломилось и содержимое просыпалось обратно в воронку. Кусок стекла, упав на поверхность, моментально расплавился в песке. Нет, не расплавился. За считанные секунды он растворился, исчез, превратился в ничто.

Чун выпрямился. Он по-прежнему держал в руке шест с остатками лопнувшей колбы, закрепленной на конце. Под взглядами потрясенных геолога и Райана осколки стеклянного сосуда распались на мельчайший блестящий порошок и просыпались в кратер. Даже конец алюминиевого стержня начал разваливаться. Зона разрушения медленно расширялась, но прежде, чем она успела распространиться больше чем на несколько дюймов, Чун швырнул шест в

жерло. Алюминиевая трубка вонзилась в порошкообразную поверхность подобно дротику и стала погружаться в нее, словно затянута зыбучими песками.

Райан понял, что шест не просто проваливается в воронку.

– Это денатурация, – пробормотал Чун, и его изумление прозвучало резким контрастом по сравнению с ужасом, охватившим Райана. – То, что там происходит, чем бы это ни было, разрушает материю. Быть может, на атомном уровне.

– Черт побери, чем это вызывается?

– Понятия не имею.

– Так как же это остановить?

Чун лишь молча покачал головой. Райан мысленно представил себе, как таинственный процесс распространяется в горах подобно раковой опухоли, одновременно проникая в глубь земли.

«Весь этот регион покоится на вулкане».

Словно в подтверждение этому, земля снова содрогнулась, гораздо сильнее, чем прежде. В небо опять взмыл гейзер, достав до вершин деревьев, и от него пахло перегретым воздухом.

Прикрывая лицо рукой, Чун махнул в сторону поста Национальной гвардии.

– Ситуация слишком нестабильная! Необходимо срочно отвести отсюда всех людей! По крайней мере на миг.

Райан не собирался спорить. Он крикнул Беллами, который по-прежнему стоял в нескольких ярдах от них, сжимая молоток и зубило:

– Отставить! Передай нашим людям, чтобы все приготовились отходить! Пусть собирают снаряжение!

Однако прежде чем здоровенный негр успел сделать хоть шаг, у него за спиной еще одна глыба отломилась от скалы и рухнула в воронку. Во все стороны брызнула влажная пыль. Несколько черных капель ударили Беллами по правой лодыжке.

– Уходи оттуда! – приказал Райан.

Не нуждаясь в повторном приглашении, Беллами побежал прочь от кратера. Когда он добрался до своего командира, его лицо было искажено от боли. Он сильно припадал на правую ногу.

– В чем дело? – спросил Райан.

– Нога горит, сэр.

Райан удивленно посмотрел вниз. Огнезащитная ткань штанов должна была защитить кожу Беллами от любых ожогов раскаленным порошком.

– Кладем его на землю! – рявкнул Чун. – Живо!

Вздвигнув, Райан откликнулся на повелительный тон геолога. Он схватил Беллами за плечо, но тот внезапно вскрикнул и пошатнулся, теряя равновесие. Правая голень у него треснула пополам.

Райану удалось подхватить падающего солдата и опустить его на землю.

– Твою ма-аа-ать! – заорал Беллами, корчась от боли.

Райан не стал делать ему выговор за нецензурное ругательство. Ему самому неудержимо захотелось выразиться покрепче. Черт побери, что происходит?

Чун присел на корточки рядом с Беллами. У него в руке блеснуло лезвие армейского ножа. Он распорол штанину от колена до щиколотки, открывая жуткий оскольчатый перелом. Острый обломок большеберцовой кости торчал из голени, ослепительно белый на фоне черной кожи Беллами. Сочилась кровь, но не так обильно, как предполагал геолог.

– Он заражен, – пробормотал Чун.

Райан попытался осмыслить эти слова – и тут у него на глазах острый обломок кости начал превращаться в пыль. Кожа по краям раны стала растворяться, отступая прочь. Мыс-

ленно представив брызги порошка, попавшего на ногу Беллами, Райан вспомнил слово, употребленное геологом.

Денатурация.

По всей видимости, порошок прожог насквозь огнезащитную ткань штанины и принялся за работу на ноге Беллами.

– Ч-что нам делать? – запинаясь, выдавил Райан.

– Несите топор! – приказал Чун.

На этот раз майор подчинился, повинувшись не повелительному тону, а страху, прозвучавшему в голосе геолога. Чун уже отрезал кусок зараженной ткани, следя за тем, чтобы не прикоснуться к нему, и отшвырнул его в жерло. Если у Райана и оставались какие-либо сомнения относительно замысла геолога, они рассеялись, когда Чун сорвал с себя ремень и стал готовить жгут.

Беллами тоже все понял.

– Не-е-е-ет... – тихо простонал он.

– Другого выхода нет, – объяснил ему Чун. – Нельзя допустить, чтобы зараза распространилась дальше по ноге.

И он был прав. Пока Райан бежал к лагерю, он вспомнил свой собственный вопрос, заданный несколько минут назад:

«Как же это остановить?»

Теперь у него появился ответ:

«Любой ценой».

Пока что им оставалось только стараться минимизировать ущерб.

Меньше чем через минуту майор вернулся с топором, захваченным из пожарного снаряжения. С собой он привел двух солдат. К этому времени Чун туго перетянул ремнем бедро раненого. Рядовой лежал на спине, геолог поддерживал его за плечи. Под кислородной маской лицо Беллами было искажено от ужаса и боли.

Прибывшие двое солдат испуганно вскрикнули.

И Райан их прекрасно понимал. Нога Беллами выглядела так, словно его за голень укусила акула. Ступня держалась только на коже и мягких тканях. Все остальное было пожрано заразой, поразившей рядового.

Двое солдат сменили геолога. Тот встретился взглядом с Райаном, затем посмотрел на топор, на Беллами.

– Вы хотите, чтобы это сделал я?

Райан покачал головой. «Это мой человек. И я за него в ответе». Он взял в руки топор. Однако у него был к геологу еще один вопрос.

– Выше колена или ниже?

Ответ он прочитал в мрачном выражении на лице Чуна. Рисковать было нельзя.

Со всей силой Райан опустил топор вниз.

11

30 мая, 22 часа 20 минут

Прово, штат Юта

Пейнтер Кроу усилием воли разжал пальцы, мертвой хваткой стиснувшие подлокотники кресла. Гонка от Солт-Лейк-Сити до университетского городка Прово стала испытанием даже для его стальных нервов. Чтобы отвлечься, он позвонил своей подруге Лизе и сообщил ей, что долетел благополучно. Однако джип стремительно несся по шоссе, обгоняя медленно идущие машины, то и дело резко выскакивая на встречную полосу, и Пейнтер не раз успел подумать, не был ли его звонок преждевременным.

Наконец Ковальски заглушил двигатель «шевроле» и взглянул на часы.

– Двадцать восемь минут. Это означает, что вы должны угостить меня сигарой.

– Мне следовало бы послушать Грея. – Пейнтер распахнул дверь и едва не вывалился из машины. – Он советовал не подпускать тебя близко ко всему, у чего есть колеса.

Пожав плечами, Ковальски тоже выбрался из джипа.

– Что Грей смыслит в таких вещах? Он только и делает, что катается по Вашингтону на своем велике. Если бы господь бог хотел, чтобы мужчины катались на велосипедах, он бы поместил яйца куда-нибудь в другое место.

Опешивший Пейнтер молча уставился на великана. Не в силах подобрать нужные слова, он лишь покачал головой и направился к выходу со стоянки. Ковальски последовал за ним. Великан был в черном плаще до пят, что позволяло ему скрывать многозарядное ружье «моссберг», привязанное к ноге. Чтобы хоть как-то притупить смертельную мощь оружия в городских условиях, ружье было заряжено шоковыми патронами «тазер» – беспроводными автономными пулями, парализующими цель электрическим разрядом.

Такая предосторожность была особенно разумной, если учесть, что за человек держал в руках подобное оружие.

В этот поздний час в студенческом городке Университета Бригема Янга царила тишина. Редкие студенты торопливо шагали по дорожкам, кутаясь от пронизывающего ветра, который дул со стороны заснеженных гор, окружающих город. Двое-трое с любопытством проводили взглядом странную пару, затем поспешили по своим делам.

Впереди фонари заливали теплым светом обсаженные деревьями аллеи, а вдалеке виднелась колокольня. Во все стороны расходились здания университетского комплекса, в основном погруженные в темноту, однако кое-где еще ярко горели окна аудиторий, в которых продолжались занятия.

Пейнтер сверился с планом студгородка, выведенным на экран сотового телефона. Профессор Канош попросил их встретиться с ним в лаборатории кафедры почвоведения. Сориентировавшись, Пейнтер направился в нужную сторону.

Здание Института Эйринга выходило на обсаженную деревьями аллею, отходящую от Западной дорожки. Трудно было не заметить внушительный купол лаборатории, расположенной на последнем этаже. Три пролета широкой лестницы вели к массивному стеклянному фасаду.

Войдя внутрь, Ковальски нахмурился, оглядывая вестибюль, похожий на храм, в котором главное место занимал подвешенный под сводами огромный маятник Фуко, оканчивающийся громадной бронзовой сферой. Сбоку приютилось небольшое кафе, закрытое в этот поздний час, перед ним выстроились огромные аллозавры, притаившиеся среди гигантских папоротников.

– И куда дальше? – спросил великан.

– Мы должны спуститься в подвал, в физическую лабораторию.

– Зачем нам под землю?

Это был хороший вопрос. Странное место для встречи с историком, однако профессор Канош упомянул про какие-то тесты, которые проводились в лаборатории по его просьбе. Взглянув на указатели, Пейнтер прошел к лестнице, ведущей вниз. Подземная лаборатория физических исследований полностью оправдывала свое название. Лаборатория не просто находилась в подвале; она была погребена под лужайкой вдоль северной стороны здания.

Найти нужную лабораторию в опустевшем комплексе оказалось нетрудно. Из-за открытой двери в конце коридора доносились голоса: кто-то разговаривал на повышенных тонах.

Пейнтер поспешил вперед, опасаясь, что кто-то уже обнаружил Кай и профессора Каноша. Входя в помещение, он протянул руку к кобуре под мышкой, спрятанной под пиджаком. Увидев неизвестного мужчину, который, казалось, угрожал пожилому профессору ножом, Пейнтер приготовился действовать, но, разобравшись в ситуации, отнял руку от пистолета. Мужчина с ножом был в белом халате, а нож у него в руке выглядел старым – вероятно, это была какая-то археологическая находка. Более того, профессор Канош не выказывал никакого страха, только раздражение. Очевидно, второй мужчина был его коллегой, решительно отстаивающим свою точку зрения.

– Возможно, это то самое доказательство, которое мы искали! – воскликнул он, хлопнув ножом по столу. – Ну почему ты так упрямисься?

Прежде чем профессор Канош успел ответить, оба ученых заметили внезапное появление Пейнтера, ворвавшегося в лабораторию. Их широко раскрывшиеся глаза стали еще шире, когда у него за спиной показалась внушительная фигура Ковальски.

Ученые сидели за длинным столом посреди просторной лаборатории. Включенные лампы освещали стеллажи с аппаратурой. Кое-что Пейнтер узнал по своей предыдущей специальности инженера-электротехника: масс-спектрометры, всевозможные соленоиды и реостаты, коробки с сопротивлениями и конденсаторами. Один прибор привлек его внимание. В соседней нише возвышалась высокая колонна электронного микроскопа, рядом с которой светились мониторы.

– Дядя Пейнтер?

Вопрос прозвучал из тени за огромным микроскопом. На свет робко вышла молодая девушка, обхватившая себя руками за плечи. Она посмотрела на Пейнтера из-под водопада длинных черных волос.

Это была его племянница Кай.

– С тобой все в порядке? – взволнованно спросил Пейнтер, тотчас поймав себя на том, что в данных обстоятельствах это глупый вопрос.

Пожав плечами, девушка пробормотала что-то себе под нос и шагнула к сидящему за столом профессору Каношу. «Вот тебе и теплая встреча родственников». Впрочем, они с Кай не виделись уже больше трех лет. В последний раз они встретились на похоронах ее отца. За этот короткий промежуток времени Кай превратилась из нескладной девочки в молодую женщину, однако по ее лицу Пейнтер увидел, что она также стала тверже, гораздо тверже, чем это могло произойти всего за три года.

И Пейнтер догадался почему. Ему был слишком хорошо знаком этот настороженный взгляд, наполненный вызовом и в то же время страхом. Сам сирота, он знал, что значит расти одному, принятому в большое племя, которое все равно держит тебя на расстоянии вытянутой руки и постоянно перебрасывает из одного дома в другой.

От этой мысли у него стиснуло грудь. Он должен был сделать для девушки больше, когда у него была такая возможность. Возможно, в этом случае они сейчас не стояли бы здесь.

– Спасибо за то, что приехали, – сказал профессор Канош, разбивая напряженность. Он махнул рукой, приглашая Пейнтера приблизиться к столу. – Быть может, с вашей помощью мы разберемся в этой проблеме.

– Надеюсь. – Пейнтер смерил взглядом коллегу профессора, не зная, насколько свободно можно говорить в его присутствии.

Запоздало заметив собственную неучтивость, ученый протянул руку. И тем не менее в этом жесте чувствовалось не столько радушие, сколько вызов. Хотя мужчина на вид был одних лет с профессором Каношем, его седые волосы поредели до скудных клочков, и если солнце выдубило кожу на лице Каноша, то щеки его коллеги были дряблыми и отвисшими, а под глазами набухли мешки. Пейнтер предположил, что не далее чем год назад этот человек перенес инфаркт. Впрочем, возможно, дело было лишь в том, что он почти всю свою жизнь проторчал в этой подземной лаборатории, вдали от солнечного света и свежего воздуха.

Пейнтер на собственном опыте знал, как от этого изнашивается человеческий организм.

– Доктор Мэтт Дентон, – представился мужчина. – Заведующий кафедрой физики.

Все пожали друг другу руки. Пейнтер представил Ковальски как своего личного помощника, отчего великан выразительно закатил глаза.

У профессора Каноша хватило такта не высказывать свои сомнения вслух.

– Пожалуйста, зовите меня Хэнком, – сказал он, видимо почувствовав настороженность Пейнтера. – Я уже объяснил нашу ситуацию Мэтту. Я полностью ему доверяю. Мы с ним дружим еще со школы, с тех пор, как впервые вместе работали в церкви.

Пейнтер кивнул.

– Тогда почему бы вам не повторить все еще раз для меня?

– Во-первых, позвольте сказать следующее: на мой взгляд, Кай не имеет никакого отношения к взрыву. Случившаяся трагедия не была вызвана зарядом взрывчатки, который она выронила.

От Пейнтера не укрылось, что голос профессора дрогнул. Он знал, что Канош был близким другом ученого-антрополога, погибшей при взрыве. Кай накрыла своей ладонью руку старшего профессора, выражая ему благодарность и в то же время стараясь утешить.

– Говорил я, что это не Си-четыре... – пробурчал себе под нос Ковальски.

Не обращая на него внимания, Пейнтер посмотрел профессору в глаза.

– В таком случае что же, по-вашему, стало причиной взрыва?

Канош спокойно выдержал его взгляд.

– Все просто. – Его следующие слова были проникнуты абсолютной уверенностью. – Это было древнее индейское проклятие.

22 часа 35 минут

Рафаэль Сен-Жермен подождал, когда ему помогут выбраться из вертолета. Воздушные потоки, поднятые несущим винтом, примяли ухоженную лужайку вокруг посадочной площадки. Другой на его месте покраснел бы, стыдясь того, что ему нужна помощь, но Рафи – он предпочитал, чтобы его звали именно так, – давно к этому привык. Даже небольшой прыжок из кабины вертолета на площадку мог окончиться для него переломом ноги.

С самого рождения Рафи страдал несовершенным остеогенезом, известным также как ломкость костей, – аутосомным нарушением выработки коллагена, вследствие чего он отличался невысоким ростом и обладал тонкими костями. Из-за сутулости, вызванной легким сколиозом, и тусклости его карих глаз все считали, что он на добрый десяток лет старше своих тридцати четырех.

Однако Рафи не был инвалидом. Он поддерживал себя в форме биологически активными добавками, содержащими кальций и дифосфонаты, а также различными экспериментальными гормонами роста. Кроме того, он словно одержимый занимался в тренажерном зале, компенсируя мускулатурой то, чего ему не хватало в костях.

И все же Рафи понимал, что главная его сила заключается не в костях или мышцах.

Когда его опускали из кабины вертолета, он поднял взгляд на ночное небо. Он мог назвать все созвездия и все звезды, из которых они состояли. Его память была эйдетическая, фотографическая, сохраняющая все те знания, которые встречались ей на пути. Свой хрупкий череп Рафи рассматривал лишь как тонкую скорлупу, в которой заключена гигантская черная дыра, способная поглотить весь свет и всю мудрость.

Так что, несмотря на его физическую немощь, родные возлагали на него большие надежды. И Рафи изо всех сил старался не обмануть эти надежды, компенсировать свой недуг. Из-за болезни его, как правило, задвигали в сторону, держали на заднем плане, однако сейчас, в этот критический момент, он был нужен как никогда, и перед ним открылась возможность овечьей свой род великой славой.

Говорили, что Сен-Жермены вели свою родословную со времен, предшествующих Великой французской революции, и фамильное состояние было в значительной степени нажито на военных поставках. Хотя принадлежащая семье компания продолжала заниматься тем же самым бизнесом и сейчас, сфера ее деятельности значительно расширилась.

Рафи, блестящая голова, осуществлял общее руководство научно-исследовательскими программами компании Сен-Жерменов, которые велись в закрытом комплексе в уединенном районе региона Рона – Альпы неподалеку от Гренобля. Этот комплекс представлял собой полигон для всевозможных научных и технических проектов, котел, в котором сплавлялись воедино академические исследования и производственные технологии. Семейство Сен-Жермен держало руку на пульсе сотен программ, проводившихся в различных лабораториях и компаниях, преимущественно связанных с микроэлектроникой и нанотехнологиями. Одному только Рафи принадлежали тридцать три патента.

И тем не менее он знал свое место, знал о черных страницах истории своей семьи, о ее связях с «истинным родом». Оказавшись на земле, Рафи украдкой пощупал пальцем затылок, где, спрятанное под завесой волос, таилось свежесбрившее место, все еще зудящее от недавно нанесенной татуировки. Это была его роспись, клятва верности, принесенная черному наследию.

Опустив руку, Рафи осмотрелся вокруг. Он также знал, как нужно выполнять приказы. Его вызвали сюда, снабдили четкими инструкциями, ему напомнили об остывшем следе, который привел сюда. Это был его шанс по-настоящему воздействовать на мир, проявить себя и принести своей семье несказанные богатства и славу.

Позади закрылся люк вертолета, и Рафи мельком увидел свое отражение в стекле. У него были длинные черные волосы и тонкие аристократические черты лица, тронутые вечной тенью щетины. Кое-кто считал его красивым, и он определенно пользовался успехом у женщин.

Даже сильные руки, помогавшие ему спуститься из вертолета, принадлежали представительнице слабого пола, хотя мало кто назвал бы эту женщину слабой. Для нее гораздо больше подходил эпитет «вселяющая ужас». Рафи позволил себе тень улыбки. Этим наблюдением он поделится с ней как-нибудь потом.

– Merci⁹, Ашанда, – поблагодарил Рафи, выпуская руку женщины.

К нему поспешил один из помощников, протягивая трость. Рафи оперся на трость и стал ждать, когда выгрузятся остальные члены его группы.

Ашанда застыла рядом непоколебимой скалой. Больше шести футов роста, с кожей, черной как вакса, она была ему одновременно сиделкой и телохранителем, такой же полноправный член семьи, как и все те, в чьих жилах текла кровь Сен-Жерменов. Отец Рафи нашел ее еще совсем маленькой девочкой на улицах Туниса. Ашанда была немой, поскольку ей вырвали язык. После этого изуверства ее продали в рабство и заставили торговать своим телом, от чего ее спас отец Рафи. Он убил сутенера, который предложил ему Ашанду, когда он шел

⁹ Спасибо (фр.).

по улице, направляясь по своим делам. Затем он тайно переправил девочку во Францию, в родовой замок неподалеку от старинного города-крепости Каркассон, где ее познакомили с мальчиком в инвалидном кресле. Ашанда быстро стала для этого хрупкого ребенка любимцем, которому он доверял все свои тайны.

До Рафи донесся сдавленный крик. Он перевел взгляд на погруженный в темноту дом, стоящий на противоположном конце обширной лужайки. Он не знал, кому принадлежит этот участок, – имело значение лишь его удобное расположение. Дом находился на склоне горы Скво-пик, возвышающейся над городком Прово. Рафи выбрал это место из-за его близости к Университету Бригема Янга.

Приглушенный выстрел оборвал доносившийся из дома крик.

Ни одна мелочь не должна остаться без внимания.

К Рафи подошел его облаченный во все черное заместитель, немец-наемник Берн, бывший боец частей особого назначения бундесвера. Высокий, светловолосый, голубоглазый, истинный ариец с головы до пят, он был зеркальным отражением черной внутренней натуры Рафи.

– Сэр, мы готовы действовать. Цели изолированы в одном из зданий университетского городка, все пути находятся под наблюдением. Мы сможем взять их, как только вы отдадите приказ.

– Отлично, – сказал Рафи. Он терпеть не мог пользоваться английским, однако именно этот язык стал языком межнационального общения наемников, что было весьма к месту, учитывая его грубость и пренебрежение нюансами. – Но они нужны нам живыми. По крайней мере до тех пор, пока мы не получим в свои руки золотые пластины. Это понятно?

– Так точно, сэр.

Рафи указал тростью на университетский городок. Он мысленно представил себе девушку и старика, удирающих верхом на лошади. Беглецам удалось обмануть преследователей, но неудача была лишь временной. По видеокадрам охоты с помощью программного обеспечения распознавания лиц удалось идентифицировать пожилого индейца, управлявшего лошадей. Потребовалось совсем немного времени, чтобы установить, что ученый-историк вернулся туда, где чувствовал себя в наибольшей безопасности, – в лоно родного университета. Рафи усмехнулся, поражаясь такому простодушию. Хотя двум беглецам один раз и удалось вырваться из ловушки, больше такое не повторится.

– Действуйте, – приказал Рафи, ковыляя по направлению к дому. – Приведите их ко мне. И чтобы на этот раз без промаха.

20 часов 40 минут

– Что вы имеете в виду под «древним индейским проклятием»? – спросил Пейнтер.

Профессор Канош поднял руку.

– Вначале послушайте меня. Я понимаю, как это звучит. Но нельзя сбрасывать со счетов мифологию, связанную с пещерой. На протяжении столетий старейшины племени юта, передававшие шаманские знания из поколения в поколение, утверждали, что тот, кто войдет в священную погребальную пещеру, своим вторжением принесет конец света. Я бы сказал, что случившееся очень это напоминает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.